

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ
ПЕРО
РУСИ»

МАГАДАН

Интеллигент

№ 8 2019г.

Магадану 80 лет!

Здравствуйте, уважаемые друзья!!!

Не зря говорят - ничего не происходит в мире случайно. Выход предыдущего номера нашей газеты в силу различных причин немного затянулся, а вот этому довелось вырасти и выйти в свет буквально за три месяца. Его тематику и структуру пришлось менять уже после начала работы по подборке материала. К великому стыду с опозданием узнал, что зацепившемуся за неласковую землю между двумя бухтами городу Магадан в этом году исполняется ни много ни мало Восемьдесят лет. Осознание округлости и значимости даты, присутствие в названии газеты имени города-юбиляра заставило включить голову и попытаться сделать этот номер наполненным чем-то особенно интересным, важным читателям и авторам. Главное, очень хотелось, чтобы большинство из представленных материалов были сделаны магаданцами, о магаданцах, отражали по возможности разные сферы жизни нашего небольшого города. Пару дней ушло на обдумывание изюминки номера, с учетом уже имевшейся на момент корректировки идеи. В итоге представляем на ваш строгий суд очередной, уже восьмой, номер литературно-публицистической газеты "Интеллигент-Магадан" и его авторов. В этом номере нет и не может быть случайных людей.

По правилам этикета гостеприимные хозяева всегда представляют своих гостей. На этот раз их трое. Их имена широко известны как читающим, так и пишущим людям. И те и другие, знакомясь с ними через их произве-

дения, открывают широкое окно в пространство настоящей современной русской литературы, которая вопреки Муйские огни". В детальном представлении он тоже не нуждается. За русского языка, сохраняя присущую ей духовность, способность поддерживать и бороться за нее на пространстве Русского мира.

Гостем номера на этот раз стал Михаил Тарковский. Что-то говорить о его литературных регалиях и заслугах, после того как читатель прочтет его творческую справку, не вижу смысла. Для меня оказалось большой удачей и честью, что Михаил согласился на интервью, вопросы к которому подготовил мой друг и соратник по этому проекту Сергей Пашков. Отвечая на них, Михаил любезно поделился своим оригинальным видением предназначения писателя, философских вопросов творчества, веры, отношения к современной России, ее духовным корням.

Мы всегда рады видеть у себя Светлану Савицкую, чье творчество и заслуги в области современной русской литературы совсем не нуждаются в представлении. В одном из прошлых номеров она уже любезно согласилась на интервью, где раскрыла свои взгляды на многие вопросы, происходящие в литературном пространстве России в начале XXI века. В этом номере она поделилась с нами частичкой своей светлой души в своих притчах и сказках.

Третьим гостем этого, в какой-то мере знакового, номера стал Виталий Кузнецов, основатель и идейный вдохновитель, бессменный главный

редактор литературного журнала международного уровня "Северомуйские огни". В детальном представлении он тоже не нуждается. За всё говорит его творческая справка. Пару лет очень продуктивного сотрудничества с ним и его журналом, дали очень многое для многих магаданских авторов, которые с его страниц смогли очень уверенно и достойно заявить о себе в России и за рубежом. Его небольшая поэма в этом номере - это знак искренней благодарности от всех магаданских авторов, которые с его легкой руки представляли Магадан на страницах "Северомуйских огней".

Ну а теперь о той изюминке, которая, надеюсь, понравится читателям и придаст яркости и контраста при прочтении этого номера. Мы просто решили именно в этом номере собрать магаданцев, Лауреатов и Дипломантов Национальной Литературной Премии "Золотое Перо Руси". Как оказалось, за весь период ее существования наши земляки довольно успешно штурмовали эту крепость. Первым ее одолел Михаил Горбунов, ставший Золотым Лауреатом. Хочется вспомнить о нем и почтить память так рано ушедшего от нас мастера Слова.

Работы четырехкратного Лауреата и Дипломанта этой премии Владимира Папкевича просто не могли не войти в этот номер. Немного авторов могут так владеть словом, выражая переполюющиеся его чувства, когда он говорит о родной Колыме, ее при-

роде, людях. Прочтите - убедитесь. откроете и поймете для себя много нового.

За свой цикл стихов, многие из которых посвящены Магадану и Колыме, самобытный, яркий, запоминающийся поэт Александр Сырченко получил Диплом Серебряного Лауреата уже упоминавшейся премии. Его стихи часто и не всякому. Надеюсь, она приполнены изящным лиризмом, почти всегда несут в себе глубокий философский подтекст, помогая углубленно изучить и понять суть произведения. На суд читателей номера он выбрал по своему усмотрению, все что счел лучшим для этого повода.

Органично, ярко, практически с колес во время изменения идеи номера, появилась в номере работа другого Серебряного Дипломанта - Михаила Сверлова. Он является бесценной находкой для любого редактора любого издания, которое что-либо печатает о Чукотке и Магадане. Его непосредственное участие во многих реальных, часто малоизвестных событиях в сочетании с великолепным владением языком позволяют ему создавать во многом уникальные произведения. "Туманитарная помощь" - лишнее тому подтверждение.

Вроде бы о простых вещах пишет Елена Матюнина, кавалер ордена Мужества, лауреат премии "За заслуги в культуре и искусстве", награжденная ею по решению Жюри Премии "Золотое Перо Руси" в 2014 году. Но вчитайтесь в эти короткие работы, сценах мира, а в нашем городе нет

Решил опубликовать в этом номере свою работу об уникальном явлении, которое довелось наблюдать лично. Летний прибой в декабре выпадает увидеть не всегда и не всякому. Надеюсь, она приоткрывает специфику номера.

Завершают номер две, на мой взгляд, очень важные работы. Авторы посвятили их памяти людей, которые, проживая в Магадане, области, или на Чукотке, оставили свой значимый след в культурной жизни региона.

Синегорская поэтесса Катя Лимонова посвятила свою работу, полную тепла, благодарности, скорби и даже мистики своему учителю - Анатолию Федоровичу Суздальцеву. Считаю эту работу нашей очень успешной, ведь всегда сложно хорошо написать об ушедшем из жизни дорогом человеке. Здесь нельзя фальшивить, - именно этого и удалось полностью избежать Кате, отдавая дань памяти своего учителя.

Член Союза Композиторов России, композитор Александр Нагаев представляет работу о незабываемом композиторе, жившем и творившем в Магадане. Мы верим и знаем, что ему это по силам!!!!

даже мемориальной доски, в память о том, что в каком-то из домов жил этот великий композитор. Прочитавшие работу откроют для себя этого человека и не без основания могут гордиться тем, что живут в том же городе, где он жил и творил, поражаясь кульбитам, которые выдавала жизнь Владиславу Золотареву.

Особую благодарность в подготовке этого номера хочу выразить нашему редактору, верстальщику, дизайнеру и просто умнице в одном лице. Ведь во многом благодаря ее терпению и еще раз терпению получилось на ходу поменять задачи и материал для почти сверстанного номера. Как известно, переобувание в воздухе кому-то создает проблемы, и так получилось, что львиную долю этих технических проблем пришлось решать Юле Рудوماзиной. Хочу от души поблагодарить её от себя лично и от всех опубликовавшихся авторов за терпение и стальную выдержку при создании этого номера.

И в завершение от себя и от нашего дружного творческого коллектива поздравляем Магадан с восьмидесятилетним Юбилеем. Пусть по воле Бога он преодолит все выпадающие на его долю испытания. Мы верим и знаем, что ему это по силам!!!!

Соучредитель медийной группы
"Интеллигент"
Сергей Малашко

Бухта Нагаева. Вид на Магадан
Фото: Википедия

РУСЬ МОЯ, ТЫ МОЙ ХРАМ И БЕРЛОГА

интервью с писателем Михаилом Тарковским

Тарковский Михаил Александрович

Русский поэт, писатель, член СП России. Родился в 1958 г. в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта. В 1991 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д.Цыбина. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и Красноярске. Автор стихов, рассказов, повестей, очерков, печатавшихся во многих литературных журналах. Лауреат премий журналов «Наш современник», «Романгазета», «Новая юность», а так же литературных премий, в частности премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», первого редактора Литературной газеты Антона Дельвига, международной премии «Югра» в номинации «Проза» «За настоящую сибирскую прозу» и премии В.М. Шукшина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы», «Что скажет Солнышко?». Главный редактор альманаха «Енисей».

- Здравствуйте, Михаил!

И сразу же к вам пару взаимосвязанных между собой серьезных вопроса. Только не торопитесь с ответами, а все взвесьте и отвечайте. Вы бы сос- тоялись интересным творческим че- ловеком, если бы остались работать по своей специальности в Москве, и у вас бы не было таких любителей твор- ческого вдохновения из родственников?

Что из этих двух факторов, или они людьми, окружающим бытием, а за- оба, не дали бы вам развиваться в твор- тем это умело излагать. ческую личность или эти факторы не 3. Выучиться в лит. институте и столь уж существенны в обнаружении вступить в союз писателей. творческого дара?

Вопрос трудный в том плане, что он из области «а если бы». Если бы ос- тался в Москве... Такое трудно пред- ставить. Для этого пришлось бы меня изменить, и непонятно тогда, как дальше бы сложилась судьба, чего от меня сле- довало бы ждать. Я конечно уверен, что способности обязательно во что-то творческое вылились. Но страшно пред- положить: не попаду в Сибирь, и она не наладит на путь. Каково было бы моё мировоззрение при таком варианте развития событий? Кто бы был моим наставником? С кого бы пример брал?

Если я правильно понял вопрос, то под «любителями творческого вдохновения» подразумевается творческая родова. Так? (Может неверно понял? - прим МТ) Дак не обязательно сопровождает работу. И вот, если бы не было родовой, то и не пе-

редались бы и способности, а следова- тельно и вопрос снимается.

Поэтому предлагаю такой ответ: сов- падение родовых способностей с бла- годатной сибирской почвой.

- Что вы считаете более важным для того, чтобы стать не только чи- тателем, но и писателем?

1. Это вдохновение.
2. Умение наблюдать и замечать за
3. Выучиться в лит. институте и

Ни то и ни то... Главное: чувство судь- бы, предназначения, ощущение того, что другие предназначения - не твои, или не в той степени твои.

Тем не менее пройдемся по списку... Вдохновение - для юных поэтов. Любой, кто занимался серьезно «писаниной» (выражение моего соседа), знает, что литературный труд один из самых слож- ных, ну разумеется не в плане физи- ческих нагрузок. Под вдохновением я согласен считать то состояние азарта, интереса, внутреннего трепета, которое и взрослого сочинителя порой охватывает в момент, я бы сказал, управляемого творческого поиска. То есть это пред- вкушение открытия, это некое бесспорно приятное состояние, но которое вовсе не обязательно сопровождает работу. И которому ты не придаешь значения. В

пользу непризнания серьезности вдохно- вения говорит ещё одно обстоятельство: это состояние внутреннего подъёма может разрешаться и хорошими стихами и плохими. Подобно тому, как состояние влюблённости не зависит от статей объё- та, как внутренних, так и внешних. Оно само по себе существует в человеке - как возможность.

Умение наблюдать и излагать... Навер- ное это немаловажное условие. Но я бы уточнил: не умение, а потребность. Ког- да тебе интересен окружающий мир, его подробности. Интересны люди. Я в ка- кой-то момент понял, что мне интересны люди сами по себе, их характеры, мотивы поступков. И то, что вроде бы из области перемывания костей ближним, для тебя становится частью профессии. И ты дол- жен понимать грань и перемывать эти кости с единственным собеседником - с самим собой. У меня с детства была тя- га к постижению родства и неродства предметов, живых существ - кто из ка- кой семьи, чей брат. Такое сильное наведение порядка в мире. Особенно наглядно это проявлялось на примере жи- вотного мира, я обожал хищных птиц и с упоением изучал их рода и семейства.

Выучиться в литинституте и вступить в союз писателей. Второе вообще никак не сказывается на качестве «писанины». А первое - лично мне помогло тремя обстоятельствами: 1. Дало пожизненных друзей, а именно Николая Александрова

из Новосибирска, русского писателя и подвижника. 2. Дало знания. 3. Научило не бояться аудитории - мне, когда я только поступил, было дико прочитать на людях стихотворение. Простое стеснение.

И, подводя итог: да, только предназначение. Я такое чувство освобождения испытал, когда отпала необходимость корчить из себя научника, когда я понял, что буду писателем. И охотником - и что эти два дела под руку пойдут.

- Как говорят классики, мол, прогрессивные люди стремятся более комфортно организовать свой быт, а организовав его, они не захотят обратно жить в пещерах.

Почему же в постсоветской эпохе люди уходят жить отшельниками в нелюдимое и не комфортное бытие? (Это не касается тех, кто приехал в дивный природный край и влюбившись в его красоты, тишину где о многом можно поразмыслить остался там жить имея пусть минимум, но комфорта)

Всю жизнь небольшая часть горожан стремилась к жизни на природе, в деревне ли, в тайге... А уж при советской власти сама политика подталкивала молодёжь к освоению Сибирских и Дальневосточных просторов. Так что не в эпохах дело, а в самой человеческой природе. Вспомним работы русских религиозных философов о враждебности города... Что касается наших дней, то город давно утратил свою привлекательность и теперь идёт обратное течение, обёрнутое уже в «экологическую» обёртку, каждый почти понимает, что на земле лучше жить во всех отношениях. Теперь мечта коттедж на земле. Как раньше дом в деревне. Но есть разница между домом в обычной деревне и домом в удалённом таёжном или тундрянном регионе...

- У одного поэта есть такая строчка: "...Русь моя, ты мой храм и берлога..." Лично для вас Россия из этого чем является и почему вы именно так оценили?

Ну, храмом я не назову Россию, ибо она не храм отнюдь. В храме не творится столько безобразий. Болезней столько не живёт. А матерью назову и на колени встану и служить по гроб жизни буду.

Хотя образ храма и берлоги понятный, хороший. Да и вообще берлога тоже хорошо, по-русски очень. Дом это совершенно же, конечно, берлога. А если ты и Россию домом считаешь, то берлога по такой логике подходит. Но без такого логического вмешательства - так вот навскидку - образ России-«берлоги» не самый лично для меня доходчивый.

- У первобытных людей первой из профессий была охота, а вы хоть не-

предательства ближних. Понятно, что в таких условиях культурная элита, обслуживающая олигархов, будет пропагандировать литературу, разрушающую мораль, и всячески хоронить русскую литературу, издревле стоящую на крепком фундаменте религиозности и народности.

У меня скорее было чувство продолжения русской промысловой традиции... Ощущение того, что кто-то много лет назад так же шёл по тайге, рубил кулёмки... Произносил несусветные старинные слова. А вот мысли о первобытности как-то мне представлялись чуждыми, они будто навевали родство с животным, с инстинктивным в человеке. А мне ближе русское, историческое, ну и Божье, конечно. Это не в укор никому... И простите, братья.

- Вы писали, что жалуются на невостребованность только те, кто считает себя недооцененным. Не будем это относить уже к известным авторам, и пусть не такого солидного творчества, а именно не плохого, но многие в школах учат химию и вроде где у автора есть моральные принципы и нет друзей издателей и расхваливают. А вас серьезно не лиарда действительно становятся отнастораживает, что сейчас массово востребовано?

То, что сейчас происходит в издательской политике - только часть общего плана уничтожения Русской цивилизации, спланированном на так называемом Западе. Поэтому необходимо относиться к этому взвешенно, трезво и с чётким пониманием, что лично ты можешь изменить, а что нет. Капитализм предполагает полный отказ от моральных принципов, иначе «денег не поднимешь».

Если Вы откроете «Энциклопедию юриста» в интернете - то прочтаете вот что:

« СВОБОДА СОВЕСТИ

это свобода морально-этических воззрений человека (т.е. что считать добром и злом, добродетелью или подлостью хорошим или плохим поступком честным или бесчестным поведением и т.д.). В качестве конституционной свободы С.с. закреплена в ст. 28 Конституции РФ.

С.с. в числе других свобод человека была провозглашена во Всеобщей декларации прав человека принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. В 1981 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.»

Главным здесь является трактовка о ревизии основополагающих принципов жизни на Земле, то есть что считать Добром и что злом. Незыблемость представлений о хорошем и плохом поступке очевидна даже не христианину. В нашей действующей конституции конечно эта трактовка не прописана, но мина заложена. Как например в законе о Ювенальной юстиции заложена мина

Самое худое, что супостаты на наших глазах меняют общенародный эталон литературы, ибо в их руках СМИ и издательства. Такой процесс рискует стать необратимым.

- Самая распространенная в мире книга - Библия, притом многие её могут цитировать наизусть, но я еще не встречал людей, для которых эта книга действительно была открытой. Может, есть такой эффект, ведь где у автора есть моральные принципы и нет друзей издателей и расхваливают. А вас серьезно не лиарда действительно становятся от личными химиками?

Я, к сожалению, Библию не очень хорошо знаю, и всегда больше сосредотачивался на Новом Завете. Поэтому на Ваш вопрос не имею возможности стоящим образом ответить.

- Верите ли вы в некое высшее свое предназначение в этом мире, или вы сами для себя избрали свою судьбу и с ней, так сказать, идете по жизни?

Я верю в предназначение, но как человек, стоящий на Православной дороге, верю и в то, что без Высшей воли ничего не происходит. Более того, именно в этом ощущении - собственной ничтожности и никчёмности без этой Высшей воли - черпаешь великую силу. А это ох как помогает сочинителю!

- Показались ли вам мои вопросы пространными, сложноватыми или обычными и чтобы вы пожелали медийной группе "Интеллигент"?

Ваши вопросы не показались ни сложноватыми, ни обычными, если под словом «обычные» понимать нечто скучное, приевшееся. Они мне показались - в самую точку. Недавно как раз читал Вашу газету. Она показалась мне живой, яркой. И радостно было за Магадан, куда давно планирую попасть. Желая Вашему изданию большой жизни, благодарных читателей и чувству связи с остальной Россией. Ура!

- Спасибо Вам за интервью для медийной группы "Интеллигент".

Беседовал с Михаилом Тарковским
учредитель медийной
группы "Интеллигент"
Сергей Пашков

Светлана Савицкая. Автопортрет. Холст, масло. 50х90 фрагмент

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии». Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Член редакторского совета и постоянный автор изданий «Интеллигент».

ГОРЫ И ДЕРЕВЬЯ

Когда в этом мире ты один одинок, кажется, что незачем жить. Хочется натворить массу глупостей. И никто не обращает на тебя внимание. Особенно высокие красивые мужчины. Они не для тебя...

У Ларисы тоже была скучная серая жизнь. Но она решила её раскрасить. Купила акварель. И нарисовала на всех тетрадных листках горы и деревья. Она искренне верила, что лучше гор могут быть только деревья, а лучше деревьев, только горы.

Потом она купила гуашь и нарисовала горы и деревья на кухне, покрыв их лаком, чтобы не испортить случайно, ей: «У тебя такая яркая жизнь! Я так тебе завидую».

Ей захотелось иметь свою графскую родословную. Она купила пастель, и на огромных ватманских листах развесила по стенам портреты животных: кошек, собак, верблюдов, гиен, которых знала, в шляпах и бальных платьях, со шпагами и высокими воротниками среди гор и деревьев. Лариса подписала их, чтобы никого не перепутать. Это мой прапрапрадедушка, а это моя прабабушка, а это тетка по материнской линии, и так далее. Теперь у нее появилась семья. И это показалось ей забавным.

Лариса купила краски для батика, нарисовала горы и деревья на шелке, задрапировала им стены. Получилось неплохо, если учесть, что на эти же стены она повесила мнимых своих родственников. Лариса расписала мебель и окна.

Купила белой глины и вылепила фарфоровый сервиз. Сама его обожгла в электрической плите, сама расписала. И с фарфоровых чашек смотрели на неё горы и деревья.

Потом Лариса отважилась купить мас-

ляных красок. И расписала потолок.

Когда в квартире не оставалось ничего серого, она вышла в подъезд и взялась за него. Но и в подъезде серое пространство быстро кончилось. Тогда Лариса купила мелки и принялась рисовать горы и деревья на асфальте. И тут случилось что-то необыкновенное. Мужчины начали обращать на Ларису внимание. И почему-то непременно высокие и красивые. Мужчины приглашались в гости, звали с собой пообедать, восхищались её талантом, хотя талантливой себя Лариса никогда не считала. Самое непонятное, что ей стали завидовать. Мужчины низкие и высокие, средние и красивые все чаще говорили ей: «У тебя такая яркая жизнь! Я так тебе завидую».

Но Лариса не могла на них теперь глядеть, особенно на их серые пиджаки. Ей все время хотелось их раскрасить.

ДРУГОЕ СЧАСТЬЕ

В тот волшебный вечерний час, когда дневные птицы перестают петь, и просыпаются ночные, Мудрая сова Герценда собрала сто своих пернатых учеников, и дала задание найти ответ на вопрос, что такое счастье, но чтобы ответы не повторялись. Птицы были разных видов и возрастов.

По очереди они выкрикивали то, что приходило на ум:

- Любовь, Верность, Слава, Власть, Родные места, Еда, Чувство долга...

Герценда разочарованно молчала, кивая головой в знак согласия.

Когда высказались все, называя общепризнанные ценности, остался лишь один молодой птах, который с болью в глазах собрал бровики у клюва.

- Почему ты молчишь, Венцетин? - спросила его сова. - Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

- Я испытывал другое счастье. Лишь однажды. Но не уверен, поймете ли меня.

- Расскажи нам, - попросили птицы.

- Однажды мой птенец Лонца попал в пасть коварной лисицы Би. Он увернулся. Но крыло оказалось поврежденным. Мы с женою боялись, что Лонца никогда не сможет летать! А ведь он подавал такие надежды! Вожак нашей стаи Цротум, когда потерял силы, пророчил именно моему сыну вести стаю на юг! Но где теперь было на это надеяться? Мудрейшие птицы стаи сказали, что Лонца с таким крылом никогда не сможет летать. Но он каждый день тренировался, потому что раньше был неплохим забиякой, и всегда выигрывал золотую ветвь леса. Я помогал ему. С каждым месяцем мой сын летел быстрее, выше и уверенней. И вот пришли Большие Игры. Соперники моего сына были быстры, и сильны. И у них не болело крыло. Но золотую ветвь снова выиграл Лонца, потому что прилетел первым. Он принес её в родное гнездо со слезами радости. И тогда я понял, что такое счастье. Счастье, это когда плачет от счастья твой птенец!

МЕДУЗЫ

Горячая Земля ёжилась от падающих метеоритов. Они казались ей снежинками, и обжигали холодом.

- Мне зябко, - с надеждою взглянула Земля на Солнце.

Материнская Звезда Солнце ласково согрело планету, укутало вуалью пара, которая обернулась водяною шалью.

Теперь звездчатые осколки космоса не так досаждают Земле, падая в океан, они превращаются в дивных разноцветных медуз. Правда-правда. А вы не знали?

ТОПОЛИННОЕ ПЛЕМЯ

На главной улице города росли молодые тополя. Много лет они с любопытством вытягивались, пока сучьями не стали загораживать дорогу. Их тут же подрезали садовые службы, оставив ампутированные жалкие культи.

Весной новые ветви потянулись к солнцу.

И люди снова удалили с деревьев лишнее. И снова рождали изуродованные деревья отростки, которые становились с каждым годом все тоньше.

А однажды деревья срубили совсем. Срубили в ту пору, когда зацвели тополя. И долго лежали цветущими укорачиваемые много лет обрубки. И не смотря ни на что, привыкшие бороться с террором человека, они нашли в себе силы уже срубленными отцвести раньше других, дать семена и протянуть их вездесущему ветру.

А на следующий год в совершенно несанкционированных местах потянулось из земли новое тополиное племя.

НЕБЕСНЫЙ ОМУТ

Болезнь, которую называла она «озарением» началась случайно. Однажды утром женщина услышала внутри себя сразу тысячу песен, а может и больше. Песни гнездились в душе, щебетали птицами и звали куда-то в небо. На лестничной клетке стало тесно и душно, Жанна вышла на крышу и нырнула песней в небесный омут. Никто из людей не слышал её голоса. Где-то внизу, у подножия небоскреба гудело шоссе.

Это происходило каждый раз, когда выпадал первый снег. Воздух становился настолько прозрачным, что на несколько мгновений она ныряла в небесный омут и въезжала в душу сивую курицу. Ах! Какая это была курица! Всем курицам курица! Перья её счастье охватывали её поначалу. Две, три, пять секунд она неслась с огромной скоростью. И чувствовала то, что чувствуют люди, знакомые ей и незнакомые.

Все это походило больше на сон, потому что не объяснялось никаким здравым смыслом. Ведь она видела это все в яви, не закрывая глаз.

Сколько лет прошло с тех пор? Сколько встречено первых снегопадов? Жизнь испытывала её неведомо за какие прегрешения, не объясняя, зачем дан такой дар.

Все это могло бы кончиться сумасшедшим домом. Но однажды Жанна

поняла, что может приносить неоценимую пользу. Она смело вышла на сцену. И стала великой актрисой.

ЮБИЛЕЙ

Столичных Звезд пригласили на Юбилей поэта Перетятко.

Праздник шел бурно, пышно и богато.

Звезды покушали, выпили, послушали, что говорят о юбиляре.

Настал момент выступления самой известной Звезды.

Но Известный Звезда никогда не слышал о поэте Перетятко, и не читал его поэзию. Да и никто из присутствующих за его столиком тоже Перетятко не знал.

Деньги же за выступление уже лежали в верхнем кармане его смокинга. Поэтому Звезда сказал:

- Сегодня мы собрались, чтобы отметить славный юбилей, как сказали здесь, гениального, как сказали здесь, замечательного, как сказали здесь, поэта Перетятко.

- Я не Перетятко! Я Перетятко! - возмутился юбилар.

- Какая разница? - искренне удивились Звезды.

КУРЯТНИК

В курятнике жили ленивые куры. Маленькие свои яйца они несли нерегулярно, да и то от случая к случаю. Получалось два-три яйца в неделю. Но зато, когда кто-то из них сносил очередное яичко, поднимался переполох восторга. Прибегала хозяйка и уносила эту ценность в дом.

Хозяйка была недовольна тем, что куры несутся плохо, и купила новую красивую курицу. Ах! Какая это была курица! Всем курицам курица! Перья её переливались оттенками золотых и огненных красок, от желтых до красных, коричневых и жарких.

Но главное достоинство курицы заключалось в том, что она приносила яйца каждый день, а в каждом яйце было по два желтка. Ясно, что куры встретили пришелицу крайне недружелюбно. Они раздували перья и кудахтали изо всех своих курячих сил.

«Куд-куда ты пришла? У нас и так тесно! Ко-ко-ко-ко-коленька! Скажи-ка ей, пусть уйдет!». Коленька даже закудаhtал от удивления, и ничего не мог толком прокукарекать, потому что, как ни странно, а вот петуху-то Коленьке новая

курица как раз очень нравилась.

Наконец, гостье надоело кудахтанье, и она снесла золотое яичко.

И куры успокоились. Все. И сразу.

В курятнике стало сказочно тихо. Никто не хотел поднимать переполох. Яичко закатали в угол и спрятали от хозяйки.

ГРАЖДАНЕ СТРАНЫ ФЛАМИНГО

В особенно засушливый год устроила волчица логово под свернутым наводнением корнем. И только лишь родились щенки, выползла на охоту.

С недоумением обнаружила хищница справа и слева множество гнезд непонятно откуда взявшихся розовых птиц, кинулась за первой же наседкой, да поднялась мать Фламинго над озером. За нею весь птичий базар затрепетал крыльями. Загомонил. Взметнулся розовым облаком. Погналась за птицами волчица, но устала шлепать по волнам, угодила в омут. Забила ее, ослабленную, птицы крыльями.

Остались щенки. Холодно им. Жутко. Птицы орут. Спать не дают. Вышли за мамкой. А мамки нет. Видят - теплое гнездо с крупными яйцами. Устроились щенки над ними, и уснули. Возвращается птица мать Фламинго. И видит, среди яиц детки пушистые спят. Накрыла их розовыми крыльями, стала ждать появления других.

А как вылупился из яиц выводок, стала мать рыбой потчевать всех детей без разбора.

Растут у Фламинго волчата. Кушают рыбу. Охраняют стаю. А птица ими знай гордится.

Придет коварная лиса птенцов воровать - залают волчата - убежит лиса. Притащится злобная росомаха - зарычат волчата - убежит росомаха. Сунется шакал - и тот, скуля от страха, тут же исчезнет. А придет недобрый охотник-завоют волчата, прогонят охотника.

ЗАКВАСКА

Что Душа могла находить в полупьяном месиве из носа, глаз, губ, обрывков мыслей? А ведь что-то находила! Чему-то радовалась. Сострадала. Зрела на этом, как на дрожжах росла...

И вдруг, выросла. Оттолкнула от себя закваску. И уже не может понять - зачем она ей?

Ей! Прошедшей через горнила огня любви и превратившейся в Хлеб Надсущий.

ЧЕРЕМУХА

Черемуха-Черемуха! Пенной черемуха цветет по весне, голову дурманом кружит, спать не дает!

Цветет Черемуха - значит, не будет больше заморозков, высаживай огурцы в грунт. Цветет Черемуха - на леща иди, река богатым наградит уловом...

Раньше ой как много ее росло! И теперь, нет-нет, да и встретишь. Не всю еще голубушку повырубили!

Всяк про Черемуху свое рассказывает, а я вот что скажу. Еще когда Бога Родом считали, девчонка жила здесь. Черемухой звали. Черемая бы-ла она, то есть смуглая. Но волосами удалась на диво! Точно в пене белых кудряшек утопало ее смуглое личико. Мать девчонку пуще глаза берегла. Кудряшки ее причесывать причесывала, да не заплетала. Мала была еще Черемуха. Простоволосою бегала. Парнишки по ней с ума сходили. Малую сватали. Да мать замуж не пускала. Четырнадцать ей годков исполнилось. Самый цвет-весна!

Да вдруг на ту пору война случилась, в то время как мужики охотились в дальних лесах. Тут-то и напал на поселение Хан-Басурман. И девчонок всех как одну от материнских подолов оторвали. В рабство увели. В гарем к Хану. За горные кручи, за текучие реки, туда, где пески да колючки лишь растут...

Приглянулась Хану Черемуха. Он и так к ней, и эдак. А она кудряшками вольно встряхнет да и отвернет личико свое смуглое в сторону. Вдохнет старый Хан дурман ее пышных волос и не спит ночью совсем. А считал он себя самым - самым на всей земле. Все женщины перед ним гнулись. А тут на тебе! Решил он девчонку измором взять. Пить - есть не давал, в серые лохмотья одевал. Да не падкая на наряды оказалась рабыня. В синих глазах тоска подмосковной рекой холодила. Она и в лохмотьях нежнее всякого цветка. До одури!

Извелся Хан. Истрадался. Упал перед ней на колени, стал плакать, умолять смириться. Не могла она забыть родные места, тихую речку. Рассвирепел Хан и отдал девчонку на потеху арапчатам-охранникам. Долго сопротивлялась Черемуха, да от судбы не увернешься. И родила она сразу трех черных младенцев. Залилась слезами красавица. Не смогла снести позора. Привязала детей к себе пояском шелковым и бросилась в омут глубо-

кий. Тонет, а сама думает: «Хоть бы глазком одним увидеть родную сторонушку, хоть бы в полгруды вдохнуть запах лесов родных...» Услышал ее мысли Дух речной. Обратил ее малым

семенем. Призвал к себе серебристого Леща: «Ты плыви-ка, Лещ, по ручьям, по колдобинам, по проталинам, по озерам. И верни это спелое семечко туда, где ему быть положено!» Лещ послушался.

А из семечка выросло дерево. По весне оно в белой пене дурманных цветов. Ну а ягодки на нем черные. Хоть и сладкие, но и горькие. Хоть душистые, но и терпкие. Кто надышится ароматом Черемухи - голова так и вскружится! Дути из Черемухи прочные! Гнется она, но не ломится!

В цвет пошла Черемуха - не жди заморозков, высаживай огурцы в грунт. Как цветет она - на Леща иди. Он уж тут как тут, ее верный друг.

ОВОЩИ

Спорили овощи, кто из них лучше.

- Без нас и огород не огород! - похвалялись Дети Города, выпрыгивая из переспелого стручка.

Краснощекая свекла задиралась:

- Ну кто краше меня?

Помидоры, подбоченясь подсмеивались:

- Да, где уже нам, убогим?

- О! О! О! Разошлись! - распускал аромат укроп с грядки:

- Приправ! Куда кому без нее?!

- Глупости, я самая сочная и сладкая! - пыхтела капуста.

А человек пришел и суп из них сварил.

ДУША БЕЗ ОДЕЖДЫ

Философ изучал рукопись, когда к нему пришел ученик.

- Мне понравились твои последние стихи. Отчего же ты такой понурый? - спросил учитель.

- Я не смогу сегодня пойти на встречу к мудрейшим, - ответил тот, - на площади, подарок людям два БогоБыка. Лунный Бык живет на небе, а Солнечный Бык - на Земле.

- Это совершенно не важно, - сказал учитель. - Душа пред Богом предстанет без одежды. А сегодня, уверяю тебя, решительно никто не будет смотреть, как ты одет. Будут слушать, что ты говоришь.

И это было правдой, потому что в бане всем гостям выдали одинаковые белые простыни, и они отличались лишь глубиной ума.

ОБОРОТЕНЬ-СЧАСТЬЕ

Идет благородный олень по лесу. Шкура его сливается с пейзажем, наполненным опавшею листвою.

Травы и кустарники, ветви и стебли прячут красавца в паутине природы. И если он стоит неподвижно, да еще силует его застилают ветки деревьев, обнаружить животное очень трудно. Даже замеченного зверя легко потерять из вида, если он приостановится.

Вот казалось бы - возникает прекрасное. И нет его.

Точно оборотень убегает от нас счастье. Наверное, когда-то давно-давно наше счастье жило в телах оленей, убитых нами в прошлых жизнях.

СОЛНЦЕ

В волнах облаков плавала рыба-солнце. Целовала золотыми стрелами соцветья одуванчиков. Щедرو откладывала желтую икру на ветки больших мимоз.

Потом рыба-солнце захотела уйти, но пламенно забилась, застряв меж ребер скалистых гор. Пульсировала, пробуждая осознание, что и наши сердца от рождения до смерти не выходят из клетки.

ПРЕДСКАЗАНИЕ МЫСЛИ

Пришел ученик к учителю, упал, рыдая, к ногам. Горела в нем обида.

- Успокойся, - сказал учитель.

Он достал толстую книгу мудрости древних философов, что-то прочел и успокоил ученика:

- Все пройдет!

- Учитель, что прочел ты в этой книге? - поинтересовался ученик.

- Всего одну из строк мудрости: «Все сглаживает время. Жизнь - это река. А у реки нет острых углов!»

ЛУННЫЙ БЫК

Вывернулось животворящее семя от пут инертной материи, и родились в подарок людям два БогоБыка. Лунный Бык живет на небе, а Солнечный Бык - на Земле.

Ходит Солнечный Бык по Земле, сталкивает рогами облака. Крутит колесом ветра. Трясутся горы. Вершится Коло Жизни. Радуются Люди солнечным лучам. Рождаются дети.

Ходит Лунный Бык по небу, срывает рогами Звезды. Сотрясает Вечность. Хранит для каждого Лунный Бык седые пряди. Мудреют люди. Рождаются мысли.

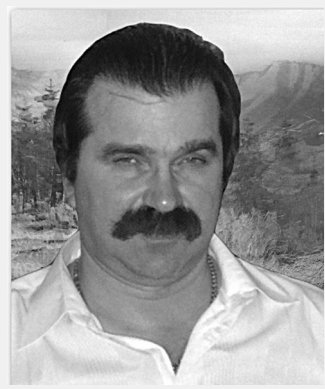
Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области.

Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», Живет в Магадане.

Лауреат «Серебряного Пера «Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 и 2018 года, дипломант и обладатель различных наград в 2014, 2015, 2016 и 2017 годах.

Соучредитель Медийной группы «Интеллигент», учредитель газеты «Интеллигент Магадан».

Летний прибой декабрьским днем??? В Магадане легко

В первых числах декабря 2008 года Магадан накрыл циклон. Он три дня подряд неистово показывал себя здесь городу свою дикуую необузданную силу. Температура воздуха повысилась с -15-18 до -1-2 градусов. С крыш закапала весенняя капель, иронично напоминая о себе стуками, об отливы окон. Возникали весьма противоречивые мысли о смене времен года. Дрожали стекла от порывов сумасшедшего ветра, весь город по воле циклона на короткое время оделся в белое.

Время его пребывания в белом очень коротко, и, по воле человека, белое очень быстро превращается в оттенки серого. Девственную белизну город сохранял в парках или скверах. Дороги были обречены стать грязными. Циклон как всегда доказал городу и людям свое непререкаемое превосходство. Они и не возражали, а со спокойствием истинных северян наблюдали за происходящим, твердо зная, что пройдет и этот циклон. Они переживут его и будут обречены ждать следующего.

Когда же дикий ветер утихал, свинцовые небеса на грешную магаданскую землю и её обитателей посылали большие хлопья ласкового, мягкого пушистого снега. Он не был злым и радовал северные людские души, ценящие любую ласку от природы, пусть даже и зимним декабрьским вечером. Большие и мягкие хлопья снега, падающие вертикально в свете вечерних фонарей, создавали иллюзию сказки.

Больше всех любому циклону, приносящему столько снега, радуются дети. Они с радостными криками прыгают в свеженаметенный сугроб. Снег будто расплескивается после чего слышится озорной и довольный ребячий визг.

Меньше всего обилию снега радуются коммунальные службы города. Для них зима всегда приходит неожиданно вместе с циклонами. Если циклон суров, как этот, то жители города вряд ли смогут скоро пройти по расчищенным тротуарам.

В меру сил и возможностей люди пытаются передвигаться в этом снежном беспределе. На заметенных тротуарах и между домами появляются и вновь исчезают тоненькие ниточки человеческих следов, нарушающих снежно-белый покров. Эти ниточки тонкие, беззащитные перед силой и мощью стихии. Они - то немного, чем может ответить человек дикой силой. Горе путнику, которого эта кутерьма застанет в пути. Всякое бывало за время нахождения здесь человека во все времена. Многим это стоило жизней. Увы, в такие моменты Север жесток и непреклонен.

Но рано или поздно устает даже самый сильный циклон. Постепенно ветер стихает, небо слегка светлеет, снег не идет такой плотной стеной.

По условно расчищенным дорогам и тротуарам начинают двигаться жители города, пытаясь не опоздать на работу. Понемногу оживает движение автомобилей, создавая массу трудностей из-за сужения проезжей части. Потихоньку город начинал оживать, возвращаясь к привычному течению жизни.

День третьего декабря для меня выдался довольно суетным. В первой половине дня пришлось побывать в нескольких местах. После этого циклона несделанными вдруг оказались масса дел, почему-то требовавших немедленного решения.

Решать их пришлось в компании Геннадия. С его помощью и при активном участии мне удалось решать массу рабочих вопро-

сов. Все получалось легко и просто. Свойственная ему прибалтийская манера общения с людьми на основе вежливости, тактичности, предупредительности, доброжелательности просто подкупала. Все это у него получалось органично, естественно и непринужденно. Очень часто эти качества свойственны людям серьезных габаритов, явно не обиженных Богом здоровьем. Они часто стесняются этого, стремясь никого не стеснить своим присутствием. Подернутые сединой волосы добавляли ему дополнительного шарма.

На многие вещи в жизни мы смотрели практически одинаково, и сочетание этого с непринужденным общением создавало дополнительные предпосылки для успешного решения моих рабочих вопросов.

Во второй половине дня, около двух часов, возникла необходимость быть в располагающейся на берегу бухты Нагаева Инспекции по маломерным судам МЧС России. Полноприводная «Тойота-Калдина», послушная жесткой воле Геннадия, местами царапая днищем в снежной колее, с трудом проползла к цели. Ветер к тому времени стих, облачность слегка поднялась. Показались подножия Нагаевских сопот, ясно видимых при подходе к зданию. Снег продолжался, но падал вертикально и спокойно.

На коротком пути от машины до здания мне послышался странный, нетипичный для этого времени звук. Он был поразительно знаком, но по каким-то причинам сознание отказывалось его воспринимать. Вероятно, это было нечто такое, чего не должно быть в это время года. Сознание должно было активно протестовать, не позволяя сосредоточиться и понять природу этого звука. В таких сомнениях я вошел в здание. Вернулся ми-

нут через пять. Сразу же после выхода слух вновь уловил уже знакомый звук. Он распространялся волнами, в какой-то момент терялся полностью. Затем следовала длительная пауза, звук возникал вновь, усиливался, достигал своего апогея и вновь исчезал. окончательно капитулировало

Я остановился, не выйдя из двора. Все-таки рациональное мышление навязчиво требовало ответа.

- Что же это за звук, который так явно слышится, но пока не понятен, задал я себе вполне резонный вопрос, одновременно покрываясь мягкими ласковыми снежинками.

Снег продолжал падать вертикально, создавая иллюзию тишины и умиротворенности. Звук доносился со стороны моря, напоминал что-то до боли знакомое и родное для любого магаданца.

Нечто большее, чем любопытство овладело мной, я развернулся и перешел к забору, отделяющему территорию ГИМСа от прибрежного отвесного обрыва. Встав на бордюр, попытлся заглянуть через забор и попробовать понять природу загадочного звука.

Он повторился вновь, точно также как и раньше, - постепенно нарастал, достигал апогея и исчезал, как кот на мягких лапах.

Увиденное и услышанное мной начало вступать в противоречие с устоявшимися за двадцать лет жизни в Магадане стереотипами мироощущения. Так не должно быть, но, тем не менее, происходило. Происходило здесь и сейчас на берегу бухты Нагаева не самого ласкового на этой земле Охотского моря. Происходило в декабре месяце 2008 года, под немой аккомпанемент мягко падающих и тихо лежащихся на землю хлопьев снега. Весь двадцатилетний жизненный опыт на Колыме, пока с трудом, но уже начинал дополняться еще одной уникальной деталью. Сознание наконец-то смогло понять, что за звук послышался мне и так затруднил его восприятие. Оно было вынуждено признать свою капитуляцию в его борьбе с необычной реальностью. Так быть не должно, но, вопреки всему, эти звуки продолжали раздаваться именно здесь и именно сейчас.

- Это же звук морского прибоя, -

окончательно капитулировало сознание, признавая реальность. Мы с ним разошлись в разные стороны,

До меня только сейчас стало доходить, что мне посчастливилось наблюдать, на мой взгляд, уникальное явление. Обычно в начале декабря бухта уже скована льдом, и даже трудно себе представить возможность услышать звук прибоя в это время. Тем не менее, это было так.

Слегка обалдевший от осознания услышанного, но пока плохо увиденного, я медленно подошел к машине со стороны водительского сидения. Геннадий открыл стекло и встретил меня своей неподражаемой ироничной улыбкой:

- Сергей, что случилось, что тебя так удивило?? - спросил он меня.

- Выходи из машины, услышишь кое-что необычное, - предложил я ему.

- Пока выпозать не буду. Ты хотя бы объясни, зачем. Да и мне трудно лишний раз выходить из машины. Застарелый хондроз посетил как всегда не вовремя, - получил я от него ответ.

Я занял свое место рядом с водителем и тут же задал Геннадию вопрос:

- Уважаемый, не хотели бы Вы прямо сейчас услышать морской прибой???

Реакция Геннадия на вопрос была абсолютно предсказуемой. Прибалтийский рационализм его мышления отказался принять вопрос серьезно.

Он недоверчиво глянул на меня и слегка прищурившись, ответил:

- Какой прибой в декабре? До весны еще далеко, до лета тем более. Я знаю твою склонность к шуткам, но это уже слишком.

- Самый обычный, морской, почти как летний. Другого я сейчас не слышал. Для полного понимания сейчас едем на стоянку перед Пожарной частью Торгового порта. Там все поймешь, - на полном серьезе ответил я Геннадию.

На лице Геннадия бродили смутные чувства интереса и легкого недоверия. Тем не менее, наша "Калдина", послушная ему, отчаянно вгрызаясь в прорезанную колею всеми четырьмя колесами, упорно прорывалась к выезду на трассу.

Наконец-то нам это удалось, и мы по чистому белому, нетронутому чужими колесами, снегу подъехали к краю отсыпки. Я вылез из машины. Затем ее с трудом покинул Геннадий.

Мы с ним разошлись в разные стороны, чтобы каждому по-своему увидеть и осмыслить происходящее. Снегу насыпало выше щиколотки, и передвигаться по нему в теплых, но коротких ботинках, в которые этот самый снег упорно пытался попасть, было немного неудобно.

Но этот легкий дискомфорт полностью был компенсирован уникальностью и величием открывшейся картины

Нашим взглядам предстало поистине неповторимое зрелище. Слегка поднявшаяся облачность открыла только подножия сопков бухты Нагаева. Их вершины были скрыты облачностью, Каменный Венец и мыс Чирикова были скрыты за свинцовой пеленой снегопада. Поверхность бухты просматривалась с берега не более чем на три-четыре километра. Вширь бухта была полностью доступна для обзора.

Вода в бухте по всей поверхности, доступной для обзора, была полностью свободна ото льда. Я не заметил на ней даже малейших признаков льда или шуги. Такую по чистоте поверхности воду можно наблюдать только летом. Цвет воды был каким-то оттенком свинцового, если можно назвать это цветом. Вся видимая водная поверхность напоминала громадную стиральную доску, по которой мощно и неукротимо наступали на берег волны прибоя. Они были не высоки, но шли подчеркнуто ровно и размеренно, барашков на гребнях не было. Свинцовые нити волн, покрывшие собой всю видимую поверхность бухты, методично, по predetermined Нептуну порядку, приходили к берегу, изливались на него, издавая уже описанные выше звуки. Сверху изливающиеся на берег в бессилии волны посыпались вертикально падающими хлопьями снега.

Вся прибрежная линия, куда с шумом обрушивались темно-свинцовые волны, также была чиста даже от всегда имевшихся в это время берегов. Прибрежная галька была влажной и ни сколько по внешнему виду не отличалась от той, которая принимала на себя энергию волн в привычные прибою летние месяцы. Только температура воздуха была явно не комфортной, да снежок посыпал сверху.

- Неужели буквально за несколько зорного лета на море и мир реальной жизни большого города в условиях несладкой северной зимы. Еще ошалело подумал я про себя, наблюдая за с шумом упавшей на берег очередной волной.

Я продолжал наблюдать за ранее не виденным зрелищем. В голове мелькнула шальная мысль, что морской прибой пришел в нашу бухту откуда-нибудь от южных берегов, где лето круглый год. Мог же он просто взять и заблудиться, просто так, между делом. Ошибся на четвертинку земного шара и заглянул в бухту Нагаева.

Сам понимая всю нелепость этого предположения, я стремился запомнить все увиденное и услышанное.

Волны по-прежнему продолжали с шумом омыwać мокрую гальку Нагаевского пляжа.

Взгляд переместился в район ГИМСА. Там по берегу одиноко бродили двое взрослых и двое детей. Только не могу утверждать, оценили ли они всю степень уникальности события, участниками которого стали. Они шли по пустынному берегу, по грани шумящего как летом прибоа.

Очередная упавшая на берег волна дала жизнь чарующему звуку, звуку лета и тепла, так ценимого магаданцами. И я продолжал впитывать в себя эти звуки, создающие иллюзию лета. От этих звуков даже как-то стало теплее изнутри.

К реальности меня начали возвращать звуки проходящего сзади КАМАЗа, под завязку груженого углем и совершающего очередной рейс по маршруту "Торговый порт - Магаданская ТЭЦ".

В кузове он вез, можно сказать без преувеличения, "черную жизнь". Без него существование города будет просто невозможно.

Именно эта дорога разделяла сейчас мир на две части - мир иллю-

К тому времени попавший в ботинки снег начал подтаивать, ощущение мокрых ног было малоприятным, поэтому я вынужденно двинулся к машине.

Геннадий вообще не отходил далеко от машины. Он просто стоял буквально метрах в трех от нее. Взгляд был устремлен в море, непокрытая голова была припорошена

мягким пушистым снегом. Его массивная фигура очень колоритно смотрелась на фоне шумящей летним прибоем в декабре Нагаевской бухты. В глазах много видевшего и пережившего человека застыло неподдельное удивление. Это было удивление увиденным и услышанным и удивление от того, что оно растопило устоявшийся стереотип - прибой может быть только летом.

Ему, видевшему другие моря на разных континентах, было гораздо труднее сломать в себе этот стереотип и принять увиденную действительность.

- Геннадий, ты доволен? Согласись зрелище только для посвященных и тех кому повезло, - задал я вопрос напарнику.

- Очень точно подметил. Думал, уже перестал чему-то удивляться, но сейчас испытал забытое ощущение искреннего удивления, - с искренностью и радостью заметил Геннадий.

- Очень жаль, что не удастся это заснять на видеокамеру. Уже сумерки и, пока ездим домой, будет практически темно, - сказал я Геннадию.

Он сочувственно вздохнул и ответил:

- Хорошо, что хотя бы увидеть удалось.

Я набрал номер своего компаньона,

находящегося на работе в магазине. Коротко рассказал об увиденном и дал послушать через сотовый телефон очередной звук декабрьского морского прибоа. Вначале он не поверил в то, что я говорил. Здорово удивился после прослушивания и предложил накачать резиновую лодку и поставить лососевую сеть.

Мы сели в машину, находясь под впечатлением от произошедшего.. Только после того, как мы отъехали с площадки, к нам обоим пришло осознание уникальности того, что нам довелось пережить сейчас.

Согласитесь, звучит, по меньшей мере, противоестественно - летний морской прибой во время календарной зимы. Но именно в этой противоестественности и есть главная прелесть.

Увидев такое, поневоле приходишь к выводу - в Магадане невозможное часто оказывается реальностью. Можно это но объяснять глобальным потеплением или чем-то еще более глобальным. Не в этом суть.

Мы с Геннадием не стали утруждать себя обсуждением причин увиденного. Для себя единодушно решили, что нам здорово повезло - мы оказались в нужном месте и нужное время и смогли наблюдать события, которые остаются в памяти на всю оставшуюся жизнь. И это главное.

P.S Буквально через два дня город накрыл очередной циклон. Более мощный, более злой и более тяжелый для всех жителей Магадана. Циклон рвал город трое суток подряд, приведя его в состояние снежного коллапса. После окончания этого циклона мне довелось вновь увидеть бухту Нагаева. Она уже была подернута тонкой ледяной пленочкой. Распространялась она ровно настолько, насколько было видно невооруженным глазом. Как будто и не было летнего прибоа в декабрьский день, посыпаемого сверху хлопьями зимнего снега.

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

Виталий Кузнецов

Кузнецов Виталий Яковлевич. Родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской губернии.

С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008). Учредитель, издатель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, 2008). За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013). Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

С декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной академии (Симферополь).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017).

Северомуйская долина (Поэмка)

Под чутким сердцем исполина,
Средь гор, поднявших небосвод,
Жила прекрасная долина,
С ключами тёплых чистых вод.

Пристанищем была таёжным
Она всем в окруженьи гор:
Богатым миром жизни сложной
Притягивала зверя взор -

Стремился он попасть в долину,
Где Божья милость, благодать;
Где можно было, как в былине,
Легко добычу отыскать.

Но вот случись в тайге безлюдной,
Когда однажды, в средний век,
Блуждая в поисках уюта,
В долину заглянул эвенк.

Тропой зверей ступал он смело,
Обследуя отроги гор -
Наладил путик* свой умело
По берегам реки, озёр.

И всюду средь густых ветвей
Он видел жизни круговерть,
А также множество костей -
Останки означали смерть.

Долиной Смерти так и стала,
Хотя совсем наоборот -
Большим и старым продлевала
Дни жизни, продолжала род.

Эвенк со временем обжился,
В уголье превратив долину.
И мир узнал - и устремился
Поток людской к местам целинным.

И лишь охотник, охраняя
Долину, как зеницу ока,
Не ведал, что пройдёт другая
Здесь скоро жизни путь-дорога.

Стальной стрелой вонзится в тело -
Войдёт в долину этот путь,
Разрушит старой жизни древо,
Былины уничтожит суть.

Другой воспрянут жизни боги,
В предгорьях всё перевернут:
Пробьют хребет, взорвут отроги;
И слишком гулко станет тут.

Исчезнет дикой жизни племя,
А с ним и тёплые ключи.
Уйдут встревоженные звери,
Оставив нам места свои.

Отступит и эвенк, кочуя,
Уйдёт куда велит шаман;
Реке оставив имя - Муя*,
Её притоку - Муякан*.

И вот уже другое имя
Долина Смерти обрела:
Северомуйская долина, -
Звучит по-новому она.

Но дух земли остался прежний, -
Людей он новых покорил
Красой суровой и снежной.
Долины дух стал людям мил.

Любуясь красотой нетленной,
Веками созданной природы,
Мы видим в ней весь путь вселенной,
Земли всей становленья годы.

И это не сравнить никак
С тем нашим малым становленьем:
Долины жизни путь - века,
А наш - всего лишь поколение.

Уйдём, и наши имена забудут,
И, может - зарастёт дорога...
Мне скажут: этого не будет!
Я - отведу свой взор в отроги.

Затем отвечу: да, не будет,
Пока она - долина - есть.
Её-то вряд ли позабудут, -
И только в этом смысл весь.

*

Прекрасней край найдём едва ли,
Чем тот, в котором мы живём.
Его Долиной Смерти звали -
Долиной Жизни мы зовём!

* путик - охотничья промысловая тропа

* Муя - Большая вода (эвенк.)

* Муякан - Сын Большой воды (эвенк.)

Колыма моя малая родина

Колыма моя малая родина.
В океане сомнений маяк.
Лучик солнца на красной смородине
В беспросветных житейских морях.

Колыма моя ранняя, первая,
До последнего вздоха, любовь.
Колыбельная мантра напевная
В бликах вечно сияющих льдов.

В миг осенний она ослепительна!
В зеркалах - королевская статья!
Повернётся, как солнышко, к зрителю,
И вся роль: просто кроной блистать!

А, захочешь речей, поздоровайся,
Да, за ручку, с таёжным ручьём.
Ох и щедрым он будет на новости!
Добродушным, не зря ж, наречён.

Видно время пришло, Колыма моя,
Осознать «всем-всем-всем» морякам
Величайший наш долг перед малыши...
Поклониться родным берегам.

Город-порт Магадан

Жить хорошо в Москве, в Крыму!
До ста жить - в Питере, в Одессе!
Меня ж Господь на Колыму
Сослал ещё в далёком детстве...

Лишил - ну, правда - ни за что,
Угла, тепла и витаминов,
Нормальных парков, цирков, школ,
Привычной жизни, тихой-мирной.

И вдруг настали холода!
Вы что-то знаете про холод?
Я тоже думал - Магадан,
Так скажем, не курортный город.

Когда же вместо слёзок лёд
По снежному защёлкал насту,
Я, глядя в черный небосвод,
Сказал: «А всё-таки тут классно!»

И, ляпнул видимо так в масть,
Что Бог сменил свой гнев на милость
И подарил такую власть,
Что многим даже и не снилась.

Веду я армию из букв
Сквозь время и пространство - к мысли:
Посеяв гармоничный звук,
Поймём секрет бессмертной жизни!

Трансцендентально, много тайн
Открыл я на колымской трассе.
И крылья дал мне Магадан,
И был весь мир вокруг прекрасен!

Мгновеньем истин озарён,
Здесь, в высшей степенности свободы,
Я чувствовал себя царем,
Ответственным за жизнь Природы.

Жить можно, нужно, только там
И только так, чтоб в сердце - песня:
Фартовый город Магадан!
Готов с тобой прожить все двести!

Владимир Папкевич

Обладатель Золотого Пера-2009 и лауреат 10, 11, 12-го конкурсов
Национальной литературной премии Золотое Перо Руси.

*О жизни, простыми словами, с годами набравшими вес,
Люблю разговаривать с вами – что было, что будет, что есть.*

*“Для меня поэзия – самая увлекательная игра, позволяющая
лучше понять происходящее, сказать о наболевшем или просто
весело отдохнуть от суеты.”*

Колыма это ...

Понимаешь, Колыма - не Манилы.
Но манила ведь, ещё как манила!
Кроме запаха тайги, временами,
И романтикам нужны «мани-мани».

И хоть жизнь тут не казалась малиной,
(ведь не зря назвали Смертной долиной),
Мы, в азарте молодом, с небом споря,
Подарили Колыме - Синегорье!

Город-сад, источник мощного света,
Средь тайги и сверхкороткого лета!
И откуда брали силы и время?
Но от песен просто меркло Сан-Ремо!

Открывая душу Духам таёжным,
Не влюбиться в Колыму невозможно!
На просторе дефили, в красно-рыжем,
И не снилось тем, в обносках, Парижам!

Сколько страсти на колымской той трассе!
Сколько счастья в каждом прожитом часе!
Знает тот лишь, кто не раз по ней трясясь,
С перевала кто по льду в бездну мчался...

Понимаешь, Колыма - не Таити!
Даже самый верный ангел-хранитель
Не спасёт, коль нет ума и везенья
При расчёте траекторий движения.

Потому, глаза закрою и вижу -
Колыма - кого нема и кто выжил,
Кто, подбросив наудачу монету,
Стал частичкой этой чудо-планеты.

Жизнь как песня здесь, а люди как птицы!
Нет у них ни потолка, ни границы.
Никаких банальных пальм и кокосов!
Скажем проще... Колыма - это Космос!

Живы будем, не помрём

Я выжил там, где мамонты замёрзли.
Куда не ходят даже поезда.
Где знают, кто писал «Метаморфозы».
Где «дел за гланды», граммов после ста.

Я выжил там, где за весь день ни звука,
И, кроме лис и зайцев ни души.
Дороже золота где - чай, головка лука.
И есть профессия такая - ингуши.

Я выжил при нехватке кислорода,
При дефиците солнечных лучей.
И, как поэт, что вышел из народа,
Сам не люблю затянутых речей.

Чтоб выжить там, влюбиться надо в Север.
Понять, что движет этими людьми.
В палатке с ними справить новоселье.
Делами снять «проклятье» с Колымы.

Для этого большие ставить цели.
Найти или добыть - то, чего нет.
Творить бетон на смене, как на сцене.
Не мог, но сделал - значит, человек.

Мне вреден материк... вам, кстати, тоже:
Глаз потускнел, с боков свисает жир...
И, как до мамонтов уже, доходит... «Боже!
Здесь ВЫЖИВАЮТ все, а там я ЖИЛ!»

Но, северян крупницы, в общей массе,
Находим, как в тайге мы - зимовьё!
Ведь, даже, если жизни нет на Марсе,
Нам долететь лишь! Будет! ё-моё!

По секрету о Колыме

По секрету всему свету
Рассказать про Колыму
Это ведь мечта поэта,
Отдохнувшего в Крыму!

Крым и Рим чтоб не обидеть,
Должен вот что доложить:
Колыму - и не увидеть?
Стоило ль так долго жить?

Колымы «аборигены»
Вам поведают как быть,
Что всё «Золото Маккенны»,
По колымским меркам - пыль!

Спят с медведями в обнимку,
Рыбу ловят из окна:
Сунул руку в Ягодник -
Опте-нате - окуня!

По грибы у всех там «Крузер»
И по ягоды «Патроль».
В общем, как у Тома Круза -
Яхта, домик, фейс-контроль.

От икры воротят морды,
Деньги нычут в чемодан.
По пол-литрам бьют рекорды,
Прям с утра и вдребоган.

Как при этом строят ГЭСы,
Трассы ЛЭП и рудники -
Скромно умолчали в прессе
На заказ «письменники»

Я ж, как честный колымчанин,
Здесь проживший тридцать лет,
Так скажу: «Не получаем.
ЗАРАБАТЫВАЕМ хлеб.

В минус двадцать - минус сорок
Девять месяцев в году»
Кто поможет нам, весёлым?
Где вы все? - Ау! Аууууу!

Александр Сырченко

Жене

Сияла вечная луна
Когда лобзал я эти плечи,
Притих сверчок в своём запечье,
Лишь мы не спали и луна.

Стучали яблоки в саду,
Как золочённые копыта
И грудь твоя была открыта
И ты в бреду и я в бреду,

Дыханием ветра кисея
Была отброшена от окон
И звезды падали далеко
И счастьем грезила земля.

Мой катарсис

Волнуя грозной красотой
В объятьях блещущих морей
Лежит мой Север, предо мною
В холодной скупости своей.

Ветра вихрастые тугие
Раздули серый небосклон
И в переливы колдовские
Преображаться начал он.

Над тёмной кромкой горизонта
Из райских вишен брызнул сок
И солнца два луча-осколка
Воткнулись копытами у ног.

В златённые венцы оделись
Верхушки просветленных гор,
А в море, далеко виднеясь,
Горит скалы столетний горб.

Все высшим полнится движеньем,
Весь мир предчувствием томим
И я, пронзённый вдохновеньем,
Дрожу, соприкасаясь с ним!

Просветленный

Солнце медленно тает, по капле
Золотистой неся в Океан,
Ветра нет, только машет на камне
Опахалами крыльев баклан.

Отдыхают уставшие ноги,
Им заказаны тропы назад.
Мы в монашестве все одиноки,
Только я одиночеству рад.

Я для нынешней жизни оставляю,
Все, что свято когда то берег
И в далёких скитаньях восславлю
Целомудрие диких дорог.

Непорочную прелесть зачатая
Перламутрово-розовых зорь
И из черного бархата платья
Безутешно задумчивых гор,

Неприступную спесь Океана
И величие солнца над ним
И роскошную проседь тумана
И бескрайности северных зим.

К юбилею Магадана

Магадан, Вам восемьдесят только,
Ваша тайна, как снега - нага,
Наши судьбы, битые в осколки,
Падали на Ваши берега.

И Любовь и Ненависть и Вера
В клочья сердце рвали нам, когда
Век двадцатый, тенью Люцифера,
Наползал на Мира города.

Стук кирки и шабер зэка в спину,
Лик иконы, облики вождей,
Обратит Господь обратно в глину
Обесчеловеченных людей!

Но зерно, до срока, не нальётся,
Не погаснет золото Кремля!
А сейчас Осанна пусть поётся
В честь твою, Колымская земля!!!

Российский Крест

Мне от Креста страны моей
Не спрятаться, не уберечься
И даже взглядом не отвлечься
Мне от Креста страны моей!

На нем миллионы страшных ран
И немочь, въевшаяся в горло
И стон миллионов уст, упорно
Молящихся у страшных ран.

А Крест поддерживают те,
Что вознесутся на него же,
И стон истерзанных умножат,
Моля о правде на Кресте.

А у окрестностей Креста
Иль нелюди вповал, иль люди -
Они пьяны, их не разбудит
Набат Российского Креста!

И я на этот Крест иду,
В пустынной келье жить отчаясь,
Иду, себе сопротивляясь,
Не веруя себе - иду!

Хрупкое обещание

Не вернуть улетающих уток,
Потерпи, я вернусь, я вернусь!
На саях пролечу первопутек
И к тебе, задыхаясь, ворвусь!

Голос твой мои мысли развеет,
Ах, как он, изменившись в разлуке, поёт!
И вино одиночество наше согреет,
Как в снегах грело имя святое твоё.

Я уткнувшись головой в дорогие колени
И усну и далеким и близким мне сном,
А во сне я увижу, как к солнцу олени
Тянут наш на земле обмороженный дом.

Солнечное молчание

В молчании, будто бы у гроба,
К друг-друга причащась губам,
Стоим, заброшенные оба,
К горящим холодом снегам.
Мы не жалеем об ушедшем
И не гадаем наперёд,
Так ожидание будет легче
И неизбежной ледоход.
Ну, а пока ледовый панцирь
Земля, вздыхая, не сняла,
В нас - обессиленных скитальцах -
Мечта тревогу уняла.

Спираль судьбы

Нет к прошлому уже возврата,
В нем гибель ранняя моя.
Она за жизнь в грядущем плата,
В котором будем Бог и я.
Познавший гибель, знает Силу,
Которая, как вещий сон
Укажет путь через могилу
На скрытый от живущих Трон.
И, выйдя в путь, в простой дерюге,
Влекомый за земной предел,
Как вновь вернувшейся подруге,
Я улыбнусь своей звезде.

Побег

Бежал я. Ни с кем не простившись.
И не жалею о том.
Бежал я, чуть было не спившись,
И Север теперь мой дом.
Я радуюсь новолунию,
Родившемуся в снегах,
Люблю я теперь колдунью
Гордую, всю в мехах!
Она стройна и отважна,
Тайгу не боится ничуть.
А губы с горчинкой так влажны!
И так смугла её грудь!
Она штопает мне рубашки
И, голову глядя мне,
Рассказывает длинные сказки
О шаманской своей стороне.
Тогда мне спокойно и тихо,
Как озеру подо льдом,
Лишь старая олениха
Вздыхает, не ладя со сном.
Что мне до надуманной чести,
До войн и до веры людей?
Теперь мне нательный крестик
Дороже всех в мире церквей.
Его я молю, в нем Бога,
Как смертник о просьбе одной:
«Чтоб не было слез у порога
И в прошлое скрыта дорога
Была бы навеки тайгой!».

Весна на даче

Который раз рождён я заново,
Бессонница не топчет ночи
И дров не нужно больше загодя -
Зажегся лес ордою почек.
Серебряное царство рухнуло
Под топором всесильным солнца,
Но напоследок злыми Духами
Всю ночь скреблось в ведре колодца.
С рассветом собрало все пожити,
Оставив мне две барабульки,
Такие, как порой бульдожики
Во времена своей прогулки.

Но я не против. Пусть куражится.
Я на Природу не в обиде.
Что хорошо ей - только кажется
Тому, кто ничего не видел.

И даже эти вспышки частые,
Средь редкого весной тумана,
Я принимаю, как несчастные
Глаза пред финкой уркагана.

И я дивлюсь на куст смородины
Преображенный и, как быстро
Снег отступает, прошлогодние
Приоткрывая миру листья.

Отрывок из поэмы «Северная песня»

Пустынный берег тих и светел,
На лужах заморозков вязь,
Рыбак раскладывает сети
Над лодкою, не торопясь.
Табак весь скурен в папиресе,
Приподнимаю воротник,
Люблю я северную осень,
От южной я уже отвык.
Печально небо, молчаливо,
Нет чаек, только ветра вой
И я, ссутулясь сиротливо,
Бреду пить чай к себе домой.

Старообрядцы

Холодно в келье нетопленной
Старцам в поношенных рясах.
Крест в углу, костью обглоданной,
Ждёт человеческого мяса!
Ветер - шатун неприкаянный
Рыщет по скиту глухому,
Каждый, любовью оставленный,
Тянется к Божьему Слову.
Дремлет лампадка пред ликами,
Старчески согнуты спины...
Здесь, под пространствами дикими
Живы лишь Богом единым.

Танатос

Когда быками боль забыта,
Глаза в глаза впились -
Многопудовые копыта
Крушат случайных крыс.
И ускоряет приближение
к победному концу
Природа, дав благословение
Сильнейшему бойцу.
О миг! Крови ручьи обильны
Убитого врага!
И затрубили Силе гимны
Победные рога.
И все живёе из нор выходит,
Чтоб голову склонить.
И нет способного в Природе
Победу осудить.

Морской этюд

Море, безлюдье, гроздь винограда
На блюде серебряном, девушка рядом.
Смуглая девушка - дочка Китая
Слушает море о чем-то мечтаю.
Солнце устало и, остывая, ласковей стало,
В воду сползая,
Тени длиннее и холоднее,
Ночь эта будет в звёздном скоплении,
В нашем селении много заботы:
В дом рыбаки возвратились с работы,
Жарится рыба, соус томата...
Мог ли я жить по другому, когда-то?...

Михаил Сверлов

Родился 1 декабря 1946 года в посёлке Бухта Угольная, Анадырского района, Камчатской области, Хабаровского края. Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации, ветеран труда России и Магаданской области. Двадцать четыре года проработал председателем Комитета по физической культуре и спорту администрации Магаданской области, был главным редактором спортивных программ Магаданского телерадиокомитета.

С 2004 года на пенсии, проживает в г. Россошь, Воронежской области. Женат. Воспитал двух детей. Публиковался в периодических изданиях: «Полярник» - Провиденский район, «Советская Чукотка» - г. Анадырь. В магаданских изданиях: «Магаданская правда», «Территория», «Магаданский комсомолец», журнале «Колымские просторы».

Гуманитарная помощь

Они познакомились на Камчатке. На совещании, посвящённом развитию туризма на Дальнем Востоке, собрались не только представители турфирм Дальневосточного региона, но и Западного побережья США.

При знакомстве она представилась: «Наташа Оуэн, Гавайи». Наташа очень чисто говорила на русском языке. При более тесном знакомстве выяснилось, что она белоруска, работала переводчиком-синхронистом по темам космоса. На одной из конференций познакомилась с ведущим специалистом гавайской обсерватории и, в скором времени, вышла за него замуж, уехав на Гавайи.

Её интересовали возможности области в развитии туризма, и Михаил пригласил Наташу в гости.

Неожиданно легко она согласилась и в апреле прилетела в Магадан. На ужин в семье Михаила, она рассказала, что уже побывала в Хабаровске, Приморье, на Сахалине и в Амурской области. Лёгкость её передвижения по территориям Дальнего Востока объяснялась тем, что Наташа была Почётным Консулом России на Гавайях и имела дипломатический паспорт.

В 1999 году в одном из телефонных разговоров Наташа поинтересовалась у Михаила, не собирается ли их семья переезжать куда-нибудь на материк.

- И что это тебя так заинтересовал этот вопрос? Неужели зовёшь на Гавайи? - спросил он её.

- Да ты понимаешь, я сейчас занимаюсь работой по оказанию гуманитарной помощи различным организациям Дальнего Востока. Буквально месяц назад мы передали инвентарь и оборудование детскому дому в Уссурийске на полтора миллиона долларов.

- А ко мне это имеет какое-то отношение? - всё так же удивлённо переспросил Михаил. - Я, вроде бы, в детском доме не живу, а уж тем более им не руковожу.

- Да нет, - смеясь, ответила Наташа, - дело не в детском доме. На Аляске, в Анкоридже, расформируется военный госпиталь и появляется возможность передать их оборудование в Россию. Вот я и подумала, что, может быть, если вы хотите переехать в другой регион, передать туда всё оборудование. А тебе там, взамен, дадут хорошую квартиру.

- Да нет, Наташенька, никуда мы из Магадана не поедём. Жене всё тут нравится. - Ну, тогда давай всё оборудование передадим в Магадан, - неожиданно предложила она.

- И как это будет происходить? Пароходом отгрузить?

- Да нет, - возразила Наташа. - Я тут договарюсь с «Геркулесами»*. Думаю, что двух хватит. А оборудование новое, год назад поступило в госпиталь.

- И сколько стоит эта «радость»? - спросил Михаил.

- Что? «Геркулесы» или оборудование?

- И то и другое.

- Вам это не будет стоить ничего.

- Да ну! Разве это возможно?

- Возможно, возможно! - снова засмеялась Наташа. - Ведь это будет гуманитарная помощь. В общем, ты давай, спроси у вашего руководства, нужна ли вам такая помощь.

- Вы там с Вашей Оуэн ничего не путаете? - уточнил Павел Павлович, заместитель главы администрации области по социальным вопросам и врач по специальности. - Был я в том госпитале. Там такое оборудование, что нам и не снилось.

- Да нет, - ответил Михаил Николаевич. - Она даже сказала, что решит вопрос доставки гуманитарного груза грузовыми самолётами.

- Ну, уж это какие-то байки, - недоверчиво сказал Павел Павлович. - С чего это вдруг такое внимание?

- Да мы просто с ней в приятельских отношениях и она, когда появилась такая возможность, решила нам помочь.

- А кто она вообще-то такая, что может решать такие серьёзные вопросы?

- Я знаю, что она Почётный Консул России на Гавайях, да ещё член попечительского совета по оказанию гуманитарной помощи Дальневосточному региону. Ну, наверно, у неё есть какие-то серьёзные связи. В общем, не знаю.

- Так, давай договоримся, - сказал Павел Павлович, - пусть она пришлёт нам перечень оборудования и инвентаря, который хочет привезти. Договорились? А мы тут посмотрим, что это за груз.

- Хорошо! - ответил Михаил Николаевич. - Только, может быть, этим делом займётся облздравотдел?

- Нет уж, давай-ка ты раскручивай эту идею. Если всё сложится, то подключим и их. Это же твоя знакомая.

- Ввязываюсь я не в своё дело. Это дело здравотдела. Во! Даже стихами заговорил.

- Да ладно тебе приbedняться, - сказал Карпин, - одно дело делаем.

Наташа с пониманием отнеслась к просьбе заместителя губернатора, и уже через неделю на столе у Михаила лежал факс со списком предлагаемого медицинского оборудования. Просмотрев этот список, Павел Павлович крикнув, взглянул на Михаила.

- Ну, дорогой мой, если так на самом деле, то это просто огромная удача для медицины области. Тут даже есть запасные трубки к рентгеновскому оборудованию. Только кто на нём будет работать?

- Я задавал этот вопрос Оуэн, и она сказала, что если будет необходимость, то прилетят специалисты из госпиталя и научат наших врачей.

- Слушай, - с большим сомнением в голосе сказал заместитель губернатора, - уж больно какая-то нереальная картина вырисовывается. За что это они нас так «облизывают»? Им-то что надо?

- Да ничего. Я же говорил Вам, что это чисто дружеское начинание. Человек хочет и может нам помочь.

* Геркулес - наиболее распространенные грузовые самолеты средней грузоподъемности, используемые ВВС США и в 65 странах мира.

- Ну ладно! Я с этим, - он указал на факсимильные бумаги, - зайду к губернатору. Помозгуем над их предложением.

Они вышли из кабинета и Павел Павлович направился к губернатору, а Михаил к себе на работу.

Через день состоялось совещание у губернатора по данному вопросу. Начал он с того, что выразил сомнение в успешном проведении такой акции.

- Уж больно многовато в этих списках перечисленно, - сказал он, обращаясь к Михаилу Николаевичу. - Серьёзен ли этот человек, с кем Вы ведёте переговоры?

- Я могу сказать лишь одно, - ответил, вставая, Михаил, - что это её идея, её исполнение. Пока всё то, что она обещала, выполняла. Перепроверить её мы не можем. Остаётся одно - надо поверить.

- Да Вы садитесь, чего это вскочили, - перебил его губернатор.

- Вот я и говорю, - продолжил Михаил, - мы-то ничего не теряем в материальном, да и моральном смысле. Конечно, надо идти им навстречу. Организовать, например, бесплатный пролёт грузовых самолётов над нашей территорией. Ведь «Аэроконтроль» находится в нашей области. То же нужно сделать и с магаданским аэропортом. Я имею в виду плату за стояночные места во время разгрузки и дозаправки самолётов.

- Это возможно сделать? - обратился губернатор к своему заместителю по промышленности и транспорту, принимавшему участие в совещании.

- А почему бы и нет, - ответил тот. - У нас появятся веские доводы. Мы ведь все под Богом ходим и можем заболеть. Так это оборудование нас лечит и будет. Правильно я говорю? - обратился он к заведующей облздравотделом.

- Мы и без этого оборудования всех лечим, - обиженным голосом сказала она.

- Это что, - спросил губернатор, - значит нам не нужно это оборудование? Так Вас можно понять?

- Нет, не так, - торопливо поправила заведующая облздравотделом, - нет, не так! - повторила она. - Мы такого оборудования никогда не купим. Нам его никто не продаст в России. Такое оборудование есть только в Москве, Питере, да ещё в двух - трёх городах миллионниках. Прямо удивительно, почему они предложили его нам, а не Владивостоку или Хабаровску.

- Эти вопросы Вы задавайте Михаилу Николаевичу, - сказал губернатор. - Может быть, он Вам и ответит. В общем, решим так. Вы - он посмотрел на Михаила, - продолжайте заниматься этим вопросом. При положительном решении, уже здесь в области подключается облздравотдел. Общий контроль осуществ-

ляет Павел Павлович. Если нужна будет моя помощь, то я всегда готов подключиться. Как сказал Эдуард Владимирович, - губернатор посмотрел в сторону своего заместителя по промышленности и транспорту, - и я хожу под Богом, то бишь, могу заболеть. А пока все свободны.

Все вышли из кабинета. Эдуард Владимирович остановил Карпина и Михаила.

- А вы с нашей таможней связывались? Они ведь могут этот груз заблокировать.

- Так не о чем с ними пока разговаривать, - ответил Павел Павлович, - вопрос пока не решён. Вот будет всё ясно с отгрузкой, тогда и поговорим.

- Ну, ну, - как-то саркастически улыбнулся Эдуард Владимирович. - А Вам удача, - сказал он, пожимая руку Михаилу Николаевичу. - Большой воз Вы на свои плечи взвалили, ох и натерпите с ним, - и он ушёл в свой кабинет.

- Вот и перекрестил, - вслед ему сказал Павел Павлович. - Вы не расстраивайтесь, обратился он к Михаилу, - будем надеяться, что всё сложится нормально. Только держите меня в курсе дела. - Он тоже пожал ему руку и удалился в свой кабинет.

«По-моему я попал! - подумал Михаил, глядя в след удаляющему Карпину, - никому тут эти заботы не нужны».

Он даже не представлял насколько был прав. И об этом вообще не подозревала Наташа Оуэн, искренне и бескорыстно старавшаяся помочь области.

В течение месяца Наташа решала в Анкоридже вопросы демонтажа и упаковки оборудования, инвентаря расформированного госпиталя. Попутно она вышла на командование Военно-Воздушными Силами США и решила вопрос о выделении двух «Геркулесов» для перевозки этого груза. Она постоянно информировала Михаила о состоянии дел, а тот, в свою очередь, информировал Карпина.

В один из воскресных дней ноября, она прилетела в Магадан. Встречали её Карпин и Михаил Николаевич.

В понедельник, Михаил с Наташей поехали в таможенную службу области. Там она предъявила все необходимые документы на перевозимый груз. Там же эти документы зарегистрировали и сказали, что после их изучения сообщат нам о решении таможни. После этого они направились в облздравотдел решать вопрос складирования груза.

Утром в кабинете Михаила раздался звонок. Звонил начальник таможни.

- Слушай, - сказал он, - ведь мы не можем растаможить представленное оборудование. Ну, там койки, тумбочки и разная другая мелочёвка - это да, можем. А

Если нужна будет оборудование нет. На них нет сертификатов соответствия.

- Как это нет. Мы всё твоим работникам в передали.

- Ты меня не понял. Нет сертификатов наших, Российских. У нас американские сертификаты не прокатывают.

- И что же нам теперь делать?

- Нужно запросить сертификаты на это оборудование в Минздраве. У них должны быть. Ведь что-то же они покупали в Штатах для себя.

- А ты не можешь запросить эти сертификаты в вашей таможенной службе? - спросил его Михаил.

- К сожалению, у нас такая практика отсутствует, - ответил таможенник и положил трубку.

Михаил тут же позвонил Карпину, тот пообещал связаться с таможней и решить вопрос.

Ждать пришлось сутки. Своё решение таможня не изменила. Михаилу пришлось сказать Наташе о трудностях с таможней. Она очень удивилась.

- А я думала, что у вас тут уже всё решено.

- Да вот, как видишь, не всё. И, как мне кажется, далеко не всё.

- Что ты имеешь в виду? - с тревогой спросила она.

- Думается мне, что нашему облздраву придётся смотаться в Москву за сертификатами, а это волынка на месяц, если не больше.

- Что это так долго?

- А это у нас такое «развлечение» в стране есть, кто кого подольше задержит. Сначала потребуют бумагу, в которой должно быть написано, что и зачем. Потом эта бумага должна у кого-то в папке отлежаться. Потом пойдут согласования с различными отделами и управлениями минздрава, которые к данной проблеме не имеют никакого отношения. А потом её, эту бумагу, будет рассматривать заместитель министра по таким вопросам, и только потом, при положительном решении этого заместителя, бумага попадёт к министру на подпись. Потом её спустят к исполнителям, и они начнут искать эти сертификаты. Я всё доходчиво объяснил?

Он взглянул на Наташу. В её глазах стояли слёзы.

- Это же срыв всего дела. Я выпросила самолёты всего на неделю, ну, могу продлить до двух. А что делать потом? Господи, зачем я с вами связалась!? В Приморье было всё так понятно и просто. А тут?!

Перестраховываясь, заведующая облздравотделом отказалась направлять своего работника в министерство, объясняя это тем, что с ним там никто по этому вопросу и разговаривать не будет.

С трудом удалось выбить из облздрави бумагу в адрес министерства, и Наташа полетела в Москву сама.

В Минздраве ей объяснили, что человек, который занимается делами сертификации импортной медтехники, находится в двухнедельной командировке. Она с трудом выяснила, кто его может заменить. Оказалось, что только заместитель министра, но у него приём по личным делам только два раза в месяц.

Она пыталась связаться с архивом Минздрава, но и туда не получила доступа. Отчаявшись, и наплакавшись в своём гостиничном номере, она обратилась в департамент Министерства иностранных дел России, который курировал Почётных Консулов в США. Там её выслушали, пообещали помочь. Но и МИД не продвинул её дело. Тогда она просто прорвалась к заместителю Министра иностранных дел. Тот её внимательно выслушал и тут же перезвонил руководителю Федеральной таможенной службы Российской Федерации. Обрисовав ему картину, заместитель министра поинтересовался у того, что можно сделать в данной ситуации.

- Если быстро, то нужно взять копии сертификатов на это оборудование в московских институтах-клиниках, которые получали аналогичное оборудование, - ответил он. - Что там Вашу посетительницу интересует?

- Оборудование: - УЗИ, компьютерная томография, МРТ. - с подсказки Натальи ответил заместитель министра.

- Да дайте Вы ей трубочку, - сказал руководитель таможенной службы.

Заместитель министра показал Наталье, чтобы она обошла стол и подошла к нему. Когда та подошла, он протянул ей трубку.

- Здравствуйте, - сказала она в трубку.

- Здравствуйте, здравствуйте! - слышалось в ответ. - А какой фирмы оборудование, от чего Вы пытаетесь завезти в Магадан? - услышала она вопрос. - Оборудование для МРТ фирмы Philips, а томограф и УЗИ - General Electric, - ответила она.

- Вы медик?

- Нет. А почему Вы так решили?

- Чёткие даёте ответы и по оборудованию и по их производителю. Так вот, сейчас мне принесли перечень медицинского оборудования, поступившего в страну за прошедший год. Так, минуточку. Ну, вот. Всё что вы называли и тех же самых фирм есть в «Бакулевке». Обратитесь туда.

- Спасибо, - удивлённая таким быстрым ответом сказала Наташа.

- Ну, что? - поинтересовался заместитель министра.

- Да он сказал, что на всё оборудование документы есть в какой-то «Бакулевке».

- Не в какой-то, - поправил заместитель министра, - а в Научном Центре сердечно-сосудистой хирургии имени Академика Бакулева. Это наш главный центр по сердечно-сосудистой хирургии.

Раздался звонок телефона. Заместитель министра снял трубку.

- Да здесь, у меня ещё. Говори, она слышит, - и он нажал кнопку громкоговорящей связи.

- Ещё раз здравствуйте, - слышался голос руководителя таможенной страны. - Я там дал указание начальнику магаданской таможни, чтобы они приняли у Вас копии сертификатов и вообще отнеслись к Вам внимательнее. И спасибо за помощь стране. Счастливого оставаться, - завершил он разговор, и положил трубку.

- Так, чтобы не оставлять Вас совсем без поддержки, переговорим с Бакулевцами, - неожиданно заявил ей заместитель министра. - Ох, и не своим делом я занимаюсь, но так хочется сделать что-то конкретное, для конкретного и очень симпатичного коллеги, - сказал он, смеясь.

- Свяжите меня с Бакулевским институтом, - попросил он секретаря.

Через минуту он уже говорил с кем-то на другом конце провода, называя того по имени и отчеству. Они быстро договорились о необходимых бумагах.

- Ну, вот и всё, - сказал он Наташе. - Сейчас они сделают копии необходимых Вам документов, а Вы их заберёте. Вас отвезёт в Бакулевку наша машина и доставит к гостиннице. Вы где остановились?

- В «Космосе».

- Ну что же, приличная гостинница. Толь-ко, наверно, дороговато.

- Не дороже денег, - облегчённо засмеялась в ответ Оуэн. - Спасибо Вам огромное! Без Вас бы у меня ничего не получилось.

- Ну что Вы. С Вашим напором, хваткой и желанием Вы бы всё равно все преграды преодолели. Обязательно расскажу министру, какой у нас инициативный и проливной Почётный Консул на Гавайях. Всего Вам доброго! - он обошёл стол, подошёл к Наташе и пожал ей руку.

- Спасибо Вам огромное, - сказала она ещё раз, и вышла из кабинета. В приёмной секретарь познакомил её с водителем машины.

Дальше всё прошло настолько гладко, что она уже в восемь часов вечера сидела в самолёте Аэрофлота, совершавшего рейс в Магадан.

Через неделю в Магадан прибыли грузовые самолёты из Анкориджа. Как всегда, начались неувязки с транспортом, складированием груза на складах аптекоуправления.

Так как аэропорт стал требовать оплату за стояночные места двух самолётов, привезших груз, пришлось снова подключать к этому вопросу заместителя губернатора по промышленности и транспорту. С большой руганью и выходом на губернатора удалось снять эту проблему, хотя заправку самолётов затянули на шесть часов.

На складе аптекоуправления, глядя на огромные ящики с рентгеновским и компьютерным оборудованием, заведующей облздравотделом пришла в голову мысль о том, а как же и где они будут устанавливать это оборудование? По всему было видно, что никто всё-таки не ожидал его поступления. Тут выручил главный врач областной больницы. Оказывается он давно начал готовить помещения под оборудование МРТ и компьютерной томографии, разработал схему расширения окон этих помещений, через которые можно было затащить оборудование. Дело оставалось за малым: нужны были деньги.

- Ну, уж тут Вы меня извините, - сказал Михаил Николаевич на совещании у Карпина. - Тут ни я, ни Оуэн Вам не помощники. Облздрав с самого начала должен был предусмотреть эту ситуацию и выделить средства на эти работы.

- Так кто же думал, что всё так быстро получится, - ответила заведующая облздравотделом.

- Как это быстро? - в недоумении переспросил Михаил. - Мы этим делом занимаемся уже третий месяц.

- Так! Погодите, - вмешался Карпин. - У Вас на эти работы деньги в бюджете есть? - спросил он заведующую облздравотделом.

- Да откуда им взяться-то при шестидесяти процентах финансирования из областного бюджета, - ответила та.

- Понятно, - сказал Карпин. - Будем решать этот вопрос у губернатора.

Оборудование устанавливали в течение трёх месяцев. Сначала искали средства на перепланировку помещений, затем порядную организацию. Много времени ушло на перевод документации оборудования с английского на русский язык. Михаилу иногда казалось, что это оборудование никому не нужно ни в городе, ни в области.

Это же предположение высказала и Наташа Оуэн в телефонном разговоре с ним.

- Ты меня извини, пожалуйста, - неожиданно сказала она ему, - что я втянула тебя в это дело. Ох, и тяжёлы твои начальники на подъём.

- Да не за что тебе извиняться! Это ты нас извини за неразворотливость, пустобрёхность и необязательность. Ты-то за что натерпелась? Вот тебе и оказывай нам помощь! Не сердись?

- А чего тут сердиться? Правда нервов и эмоций потрачено многовато, а что поде-

лаешь? Но такого, конечно же, не ожидала. Получилось так, что я навязалась вам с этим оборудованием. В Приморье все было бы решено в неделю. А тут уже полгода решаем этот вопрос, а конца и края не видать.

- Видать, видать, - сказал Михаил Николаевич. - Я и звоню потому, что установили оборудование. Нужны твои специалисты, а то наши так его «запустят», что потом уже никто не починит.

- Жить-то им будет где? Питанием-то обеспечат? Я уже не спрашиваю про организацию их досуга.

- Эти вопросы решает главврач больницы.

- А он их решит, или мне снова заниматься ими?

- Да нет, решит. Он мужик толковый и разворотливый. Сколько их будет человек?

- Четверо, да я с ними.

- И ты прилетаешь?

- А куда я их одних отправлю, когда у вас всё время возникают какие-то проблемы. Переводчик-то хоть есть?

- Ну, ты уже совсем о нас стала плохо думать. Конечно, есть.

- Слава богу! А то я думала, что мне придётся с ними сидеть. Тогда до встречи.

Врачи-специалисты из Анкориджа прибыли в городе три недели. За это время они не только отладили оборудование,

но и обучили наших специалистов работать!

Получилось так, что я навязалась

вам с этим оборудованием. В Приморье все было бы решено в неделю. А тут уже полгода решаем этот вопрос, а конца и края не видать.

- Видать, видать, - сказал Михаил Николаевич. - Я и звоню потому, что установили оборудование. Нужны твои специалисты, а то наши так его «запустят», что потом уже никто не починит.

- Жить-то им будет где? Питанием-то обеспечат? Я уже не спрашиваю про организацию их досуга.

- Эти вопросы решает главврач больницы.

- А он их решит, или мне снова заниматься ими?

- Да нет, решит. Он мужик толковый и разворотливый. Сколько их будет человек?

- Четверо, да я с ними.

- И ты прилетаешь?

- А куда я их одних отправлю, когда у вас всё время возникают какие-то проблемы. Переводчик-то хоть есть?

- Ну, ты уже совсем о нас стала плохо думать. Конечно, есть.

- Слава богу! А то я думала, что мне придётся с ними сидеть. Тогда до встречи.

Врачи-специалисты из Анкориджа прибыли в городе три недели. За это время они не только отладили оборудование,

но и обучили наших специалистов работать!

Получилось так, что я навязалась вам с этим оборудованием. В Приморье все было бы решено в неделю. А тут уже полгода решаем этот вопрос, а конца и края не видать.

- Видать, видать, - сказал Михаил Николаевич. - Я и звоню потому, что установили оборудование. Нужны твои специалисты, а то наши так его «запустят», что потом уже никто не починит.

- Жить-то им будет где? Питанием-то обеспечат? Я уже не спрашиваю про организацию их досуга.

- Эти вопросы решает главврач больницы.

- А он их решит, или мне снова заниматься ими?

- Да нет, решит. Он мужик толковый и разворотливый. Сколько их будет человек?

- Четверо, да я с ними.

- И ты прилетаешь?

- А куда я их одних отправлю, когда у вас всё время возникают какие-то проблемы. Переводчик-то хоть есть?

- Ну, ты уже совсем о нас стала плохо думать. Конечно, есть.

- Слава богу! А то я думала, что мне придётся с ними сидеть. Тогда до встречи.

Врачи-специалисты из Анкориджа прибыли в городе три недели. За это время они не только отладили оборудование,

но и обучили наших специалистов работать!

Получилось так, что я навязалась вам с этим оборудованием. В Приморье все было бы решено в неделю. А тут уже полгода решаем этот вопрос, а конца и края не видать.

- Видать, видать, - сказал Михаил Николаевич. - Я и звоню потому, что установили оборудование. Нужны твои специалисты, а то наши так его «запустят», что потом уже никто не починит.

- Жить-то им будет где? Питанием-то обеспечат? Я уже не спрашиваю про организацию их досуга.

- Эти вопросы решает главврач больницы.

- А он их решит, или мне снова заниматься ими?

- Да нет, решит. Он мужик толковый и разворотливый. Сколько их будет человек?

- Четверо, да я с ними.

- И ты прилетаешь?

- Так, давай не будем разводить дебаты. Это дело поручено тебе - выполняй. Давай завтра, часа на три приглашай их в малый зал администрации.

- Чем поощрять-то их думаете?

- Это уж ты подумай, - ответил заместитель губернатора.

Михаил тяжело вздохнул и вышел из кабинета.

На следующий день, в три часа дня врачи из Анкориджа, Наташа Оуэн, работники облспорткомитета, руководство облздравотделом, главный врач областной больницы и Павел Павлович со своими помощниками сидели в малом зале областной администрации.

Павел Павлович, от имени губернатора области, поблагодарил американских друзей за оказанную области помощь. Он так же отметил высокий уровень специалистов из Анкориджа, и вручил им сделанные облспорткомитетом плакетки*. В добавление, Павел Павлович подарил каждому из награждённых магнитофонные кассеты с песнями о Магадане. Песни были исполнены на русском языке. Переводила Оуэн....

*плакетка - представляет собой вид грамот и дипломов. От классического вида наград ее отличает деревянная основа с металлическим или акриловым листом, на котором выгравирован текст.

Елена Матюнина

Родилась в Магадане. Юность прошла на Украине, в Запорожской области. Волею судьбы, с семнадцати лет и по сей день, проживаю в г.Липецк

Закончила Воронежский Государственный Университет (ВГУ). По профессии журналист. Работала корреспондентом в местных газетах, автором и ведущей телепередач. Действительный член Международного Союза писателей "Новый Современник"

31.10.2014 на конкурсе "ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ 2014" награждена медалью "ЗА ЗАСЛУГИ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ".

Сашка

Каждую весну я уезжаю из пыльного города в деревню, в глушь. Старенький домик на окраине мы купили с мужем пять лет назад. Но жила я тут в основном одна. Муж работал.

Мне нравилось быть одной. Почему люди так не любят одиночество? Думай себе о чем хочешь, делай что хочешь, - никто не мешает.

Вот и сегодня, проснувшись пораньше и взяв корзинку решила прогуляться к полю. Есть там одна земляничная полянка...

Размышляя о своем бытии, я совсем не заметила, как прошла километра

полтора. Из высокой травы торчала чья-то рыжая голова.

Подойдя поближе я увидела, хозяйка этой головы - мальчонку лет шести-семи. С невозмутимым видом он сидел на корточках и ковырял палкой в земле.

- Привет! А ты что тут сидишь, потерялся?

- Просто сижу. И не потерялся я вовсе.

- Меня Мария Ивановна зовут, а тебя?

- Ох, как же я не люблю Марь Ива-

- Много их?

- Полно... Вот соседка у меня Мария Ивановна.

- А тебя как зовут-то?

- Саша. Можно Сашка, можно Санек..

- А Сашок можно?

- Нельзя. Меня так папа звал. Больше никому нельзя.

- А папа сейчас где?

- Папа умер. Той весной утонул в реке, пьяный был. Мне взрослые сказали, что он рыбкой стал. Врут все.

- Почему?
- Ходил я на речку. Нет там папы. Взрослые всегда врут. А я знаю, что он просто умер.
- Извини...
- Да ладно...
- А с соседкой что, конфликтует?
- Это она со мной конфликтует. "Сволочью малолетней" зовет, а папку моего "алкашом". И еще как-то словом, забыл... Мол был он таким, и сдох таким же словом... А он хороший был. Любил меня сильно. Не бил никогда. Вот мамка бьет. А он даже не ругался.
- Может, ты ведешь себя плохо?
- Нормально веду. Просто она меня так воспитывает.
Лицо его было все в веснушках - ребенок, но взгляд... Сколько серьезности в его зеленых глазах.
- А ты зачем палкой ковыряешь?
- Муравьев закапываю. Проверяю их жизнестойкость. Удивлению моему

не было предела.
- Вот мне папка сказку читал про лягушек и крынку, кувшин такой. Упали они в сметану, одна нежизнестойкая была и умерла сразу. А другая бегала прыгала по сметане, пока та маслом не стала и вылезла жизнестойкая была! Хотя миксером быстрее было бы... Или ложкой...
- И как, жизнестойкие муравьи?
- Жизнестойкие. Видишь, как вылезают быстро.
- Значит, проверил? Пойдем, я тебя домой провожу? Ты где живешь?
- Там, - махнул Сашка в сторону деревни, - Только мне еще не пора.
- А когда пора?
- Когда мать кричать будет.
Я снова села рядом с ним. Бросить одного ребенка посреди поля я не могла.
- А соседка на тебя злится, может помириться с ней как?
- Да ну ее. Я ей теперь мстить буду.

Вот недавно кота ее поймал, банку к нему привязал. А он ну совсем дурак, с этой банкой к ней в окно сиганул.
- И что?
- И все! Разбил окно. Марь Иванна орала, что я "живодер". Мать била. Сказала, не видать мне портфеля к школе, она на эти деньги окно соседке теперь вставлять будет.
- А как же теперь в школу идти?
- С пакетом дойду. Тут рядом.
В воздухе раздался крик: "Сашка, а ну живо домой!"
- Вот теперь мне пора. Сейчас меня будут кормить. Потом мыть. Потом бить, ну, то есть воспитывать за что-нибудь.
Он поднялся. Отряхнул свои коленки от земли и травы. Обреченно вздохнул и побрел в сторону деревни.
Я еще долго смотрела на мелькающую в высокой траве рыжую голову. Землянику я в тот день так и не собрала. Вернулась домой с пустой корзиной.

Психолог

Мама меня в этот раз даже не ругала. Просто молча взяла за руку и потащила к машине. Посадила. Мы поехали. Ехали молча. В голове крутилось: "Что будет, то будет". Остановились у какого-то здания. Я успел прочесть только "психологической разгрузки..." Здание на психбольницу похоже не было. А я боялся только "психушки", посадят - не выпустят.

Пока я обо всем этом думал, мы уже вошли в кабинет с названием "Детский психолог". Видимо, эта старушка и есть психолог. И они знакомы, потому что она маму по имени назвала.

- Что у вас случилось Ира?
- Он помочился в борщ моему мужу... Хотела его выпороть, но Вы сказали его не бить..
- Я не мочил в борще ничего, я насыпал в борщ, - вставил я, так как надо было защищаться.
- Ира, оставь сына у меня, через часок забереешь. Садись, мой хороший, поближе, - обратилась она уже ко мне, - Не бойся, я ни наказывать, ни ругать тебя не буду.
- А я и не боюсь. Знаю.
- Откуда знаешь?
- У вас глаза добрые. Такие не наказывают.
- О, ты у нас совсем взрослый и

опытный! Молодец.
Час, который я провел в кабинете, пролетел совсем незаметно. Было весело и легко. Я рисовал, собирал конструктор, отвечал на какие-то вопросы. Мы весело смеялись, когда я рассказывал про школу, свои сны и девчонок.
Пришлось психологу и про борщ рассказать:
- Да я и не собирался ничего такого делать. Само вышло. Папа с мамой развелись и мама вышла замуж за этого.. А он крутой, денег у него много, дом большой и машину маме он купил. И братик маленький у меня теперь есть, Славка.
И теперь мне мать каждый день втирает: "Вадим тебя усыновил, свою фамилию дал, он тебя кормит, обеспечивает, он такой растакой...". Ну пусть и живет с ним! А я что, "шестерка", бегать перед ним? И не просил я его усыновлять меня, мне и моя фамилия нравилась. И врут взрослые, что Вадим меня любит, он Славку любит и маму. А меня терпит и пилит, воспитывает. Он с мамой разговаривает одним голосом, со Славкой - другим, а меня только ругает. Он может и пить, и курить, и даже матом ругаться, а я если что скажу наказывают!
И подарки мне его не нужны. Не нравятся они мне.

А если что, я и из дома уйти могу, если ему в тягость меня кормить, пойду странствовать по миру.
А с борщом так вышло. Мама накрыла на стол к обеду для него : борщ налила, салат поставила. А Славка проснулся и плакать начал, мама побежала к нему. Я подумал, сейчас наассу немножко в борщ Вадиму - мне легче будет. Только пристроился, а мама вернулась. Схватила за руку и к вам вот притащила. Я думал, убьет меня
Потом мы с психологом играли в такую игру: я стал Вадимом, но и сам собой тоже был. На один стул сяду - Вадим, на другой - я. И понял, что маху я дал с этим борщом. Я б сильно психанул, если б мне так сделали. И еще я понял, что хуже всех моей маме от всего, что произошло.
А тут уже и она, мама, приехала за мной.
- Подожди за дверью, малыш, я с мамой твоей поговорю, - сказала мне психолог.
- У вас хороший мальчик. И он нуждается не в наказаниях, а в любви и внимании, - говорила психолог.
Потом мама дверь плотно закрыла и я больше не слышал ничего. Но я ликовал: ругать не будут! Значит кошмар миновал! Да... Наверное это хорошая профессия - психолог, раз его мамы слушаются. Вырасту - стану психологом.

«НЕ ВЫРАЗИТЬ СЛОВАМИ БЛАГОДАРНОСТЬ»

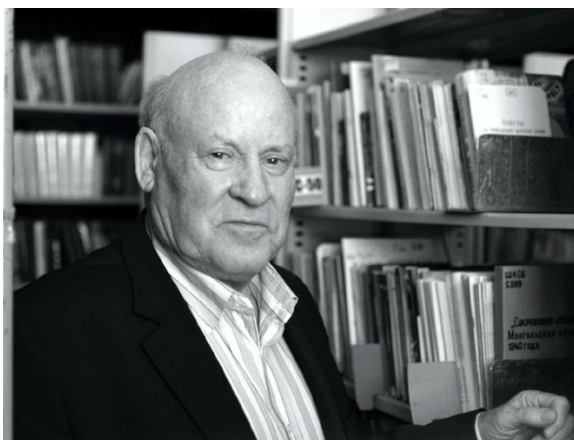
Памяти учителя

Разные люди знали с разных сторон Анатолия Фёдоровича Суздальцева. Одни как журналиста, члена Союза Писателей России, поэта и автора сборников стихов «Далёкого детства река», «Прибавление света» и книги о детстве и юности «Красное яблоко на белой скатерти». Другие как талантливого редактора местных газет «Северная правда» и «Синегорье». Многие как преподавателя в восьмилетней школе в посёлке им. Гастелло. Мне же посчастливилось узнать его с совершенно другой, неизвестной для многих стороны.

Я глубоко убеждена в том, что в этом мире ничего не происходит случайно. Наше знакомство с ним было предопределено свыше. Когда мне было четырнадцать лет, наши жизненные пути неожиданно пересеклись. Я ещё училась в школе, а он уже был редактором местной газеты «Северная правда». В его руки попали несколько моих робких стихотворений, именно так их и называл Анатолий Фёдорович. Но это не мешало ему, поэту-профессионалу обратить внимание на мои неуверенные шаги в мире поэзии. Он позвонил мне и в непринуждённой располагающей к себе манере предложил опубликовать их в ближайшем номере газеты. Застигнутая врасплох столь важным звонком, я от неожиданности растерялась. Беседа была короткой, но результативной: «Екатерина, два Ваших стихотворения войдут в следующий номер газеты» - спокойным тоном сообщил Анатолий Фёдорович. Вежливо поблагодарив редактора, я положила трубку. И тут же начала обзванивать подруг, чтобы поделиться радостной новостью. Через неделю состоялась обещанная публикация, за которой последовали и другие. Сейчас, мысленно возвращаясь в прошлое, я понимаю, что он уже тогда поверил в меня. Хотя в то время я ещё ничего не знала о золотом правиле альтернанса, не различала женские и мужские рифмы, не догадывалась о существовании ямбов

и хореев. Но всё это, как оказалось, не мешало ему разглядеть будущее моих стихов, которые найдут своего читателя.

Анатолий Фёдорович видел, как я тянусь к поэзии. Он почувствовал, что стихи для меня не баловство и не временное увлечение, а продолжение меня самой. Время от времени созваниваясь, по телефону, он с большим вниманием слушал мои новые стихи. Всегда отдавал грамотные советы. А так же, как я тянусь к поэзии. Он почувствовал, что стихи для меня не баловство и не временное увлечение, а продолжение меня самой. Время от времени созваниваясь, по телефону, он с большим вниманием слушал мои новые стихи. Всегда от-

давал грамотные советы. А так же, как я тянусь к поэзии. Он почувствовал, что стихи для меня не баловство и не временное увлечение, а продолжение меня самой. Время от времени созваниваясь, по телефону, он с большим вниманием слушал мои новые стихи. Всегда от- дость почитателям её таланта. Впечатал удачно подобранные образы, рёд и выше! А. Суздальцев. г.Магадан. 15.05.2013». Эти строчки до будто между делом, рекомендовал к сих пор являются для меня огром- ной поддержкой и истинным подар- ком. Потому что всё что говорил короткому стихотворению. Бывало, или писал Анатолий Фёдорович в игровой форме тренировал моё было всегда несколько раз взвеше- ние рифмовать слова - он начи- но и хорошо обдуманно. Он придер- нал стих, а я должна была угадать живался негласного правила «Если слово, каким заканчивается строчка. и хвалить человека, то только за Когда мой ответ оказывался вер- дело». Зная эту особенность, редко ным, я радовалась как ребёнок, чув- встречающуюся в людях, я понима- ствывая, что у меня получается что-то ла бесценность сказанных им слов очень важное, но что именно тогда в книге. ещё не понимала.

Шли годы, и издалека за моей старательной работой над ошибками незаметно наблюдал Анатолий Фёдорович. Я - всё также продолжала делиться по телефону недавно написанными стихотворениями. Он - отмечать в них больше красивых строк, удачно подобранных рифм и, самое главное, - зёрнышек для размышления.

В 2012 году он поделился со мной радостной новостью и значимым событием - вышла в свет его книга «Красное яблоко на белой скатерти». Я искренне поздравила его и с присущей мне непосредственностью заявила, что с интересом прочитала бы повесть о его детстве и юности. Он несколько был удивлён моим желанием, но не отказал, а напротив, поблагодарил и через время прислал свою книгу по почте с для меня очень ценной дарственной надписью «Екатерине Титаренко с на-

Через год уже я поделилась с ним своей радостью и главным событием в жизни - рождением дочери. Он искренне поздравил меня, сказав: «Это самое главное Ваше творение!». Его слова глубоко вошли в сердце, растрогав меня до глубины души. И пока я жива, навсегда сохранию их в памяти.

После рождения дочери я стала чаще задумываться о собственном сборнике, но, трезво оценивая свои стихи, понимала, что они ещё довольно сырые и требуют тщательной доработки. Не откладывая в долгий ящик, принялась за редактирование набравшегося за годы материала. Как оказалось, строить с нуля гораздо легче, чем заниматься реконструкцией построенного. Но меня подогревало огромное желание показать все отобранные стихи Анатолию Фёдоровичу. Поэтому медленными, но верными шагами я двигалась вперёд. Незаметно пролетала неделя за

неделей. Пока я, полностью погружённая в жизненные хлопоты, продолжала работать над творческой задумкой, здоровье Анатолия Фёдоровича медленно покидало его. Он мужественно справлялся с новыми ударами судьбы, безжалостно падающими прямо в его доброе сердце. Созваниваясь по телефону, старалась подбодрить его, вселить надежду, что всё обязательно образуется. В тот момент я ни на секунду в этом не сомневалась. В один из разговоров откровенно призналась ему: «Прежде чем мой сборник увидит свет, хочу, чтобы весь материал был прочитан и одобрен Вами». На что получила совершенно ошеломляющий, неожиданный ответ: «Ради этого стоит ещё пожить» - сказал он и засмеялся, по-доброму с еле уловимым оттенком грусти. Не смотря на то, что совсем недавно он перенёс серьёзную операцию на сердце, а восстановление проходило совсем непросто, Анатолий Фёдорович, преодолевая все трудности, не потерял чувства юмора. Он открыто и смело смотрел действительности в лицо.

Прошло ещё несколько месяцев, утомительная работа над материалом то останавливалась, то продолжалась. Я чувствовала, драгоценное время уходит и мне необходимо поторопиться, но обстоятельства оказались сильнее меня. То, что произошло дальше можно отнести в разряд фантастики. Это нечто за гранью сознания, пробирающее до мурашек. В один из самых обычных дней мне приснился сон: я вставляю кассету в видео проигрыватель и вижу следующее - солнечный день, на небе ни единого облачка. У меня перехватило дыхание от взгляда на величественные сопки, сочно-зелёные листья на деревьях. На фоне красивейшей колымской природы в лёгкой дымке видится знакомое, ставшее уже родным лицо Анатолия Фёдоровича. Он будто куда-то уезжал. Вместо музыки на плёнке звучал его голос, читающий стихи. Мне стало невыносимо грустно. Быстрым движением нажимаю на кнопку «стоп», вытаскиваю кассету и, сидя на корточках у телевизора, начинаю горько плакать. Сон оборвался, я про-

проснулась, чувствуя непреходящую тоску в душе. Понимая, что это сновидение может означать, я с хорошим предчувствием и бьющимся через раз сердцем, взяла телефон, нашла нужный контакт и нажала на кнопку вызова. Мысленно молила Бога, чтобы трубку взял именно он, человек, когда-то разглядевший в пору моей юности во мне личность способную развиваться, идти вперёд, достигая новых творческих побед. Шансов на то, что раздастся его голос на другом конце провода, практически не было. На пятом гудке в трубке раздался голос молодой женщины. Я сдавленным голосом спросила: «Можно ли услышать Анатолия Фёдоровича?» - «Папы не стало чуть больше месяца назад» - после короткой паузы подавленным голосом сообщила его дочь. Мои опасения подтвердились. Я выразила соболезнование всей семье. По моим щекам одна за другой побежали горячие солёные слёзы. Чувства невосполнимой потери, пустоты, огромного сожаления нахлынули с невероятной силой. Молча, мужественно я перенесла утрату не просто человека, а мудрого наставника вложившего в меня кусочек своей светлой души. Прошло время, и вышел в свет мой первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя». Я горжусь тем, что мой учитель принимал участие в редактировании нескольких стихотворений вошедших в этот сборник.

Спустя некоторое время, я узнала от своего знакомого, который лежал вместе с ним в больнице, один интересный факт, говорящий сам за себя. В палате с выкрашенными стенами, незадолго до своего ухода, Анатолий Фёдорович беседуя со своим товарищем, сказал обо мне несколько добрых слов. Он похвалил моё умение строить яркие образы в стихах и говорить коротко и ясно о необъятных вещах. Эти слова стали тем самым маленьким, но

важным кусочком, последним недостающим фрагментом в моём собственном представлении и знании о личности этого удивительного человека.

Прожив в посёлке Синегорье несколько лет, он помог выпустить небольшой сборник «Содружество» для которого сам лично отбирал стихи синегорцев. Более того внёс неоценимый вклад в наш синегорьевский коллектив пишущих людей. Именно он придумал и организовал «Поэтическую гостиную», где люди собирались раз в месяц, говорили о поэзии, читали друг другу стихи. Анатолий Фёдорович каждый раз с удовольствием присутствовал на встречах, с интересом слушал произведения каждого и, если считал нужным, ненавязчиво давал ценные рекомендации. До сих пор собираясь на поэтические встречи уже небольшим кругом людей, мы каждый раз вспоминаем о нём. Будучи на небесах, Анатолий Фёдорович незримо продолжает присутствовать среди нас за столом и внимательно слушать наши стихи. Я глубоко убеждена в том, что такие люди как он рождаются не раз в сто лет, а раз в тысячелетие.

Наше знакомство с ним продлилось двенадцать лет, мы много раз созванивались, но так никогда и не увиделись. Все эти годы, с самого первого звонка, он всегда обращался ко мне уважительно на Вы. Никогда не усомнился в моих будущих успехах, всегда одинаково верил в мои силы. И, навсегда покинув этот мир, о себе он оставил мне не только два сборника и великолепную повесть о детстве и юности, за время прочтения которой у меня не раз наворачивались слёзы на глазах... У меня осталось гораздо больше - это память и безграничная благодарность к нему, которую не выразить словами.

Я глубоко убеждена в том, что в этом мире ничего не бывает случайным, как и моё знакомство с ним.

Екатерина Лимонова (Титаренко)

Родилась 10 января 1988 года в Магаданской области, п. Синегорье. Коренной житель.

Стихи начала пробовать писать в 12 лет, в июне 2018 года – вышел первый сборник стихов. В г.Магадан под названием «Не забывай, что я люблю тебя».

Наставником в мире поэзии являлся поэт Суздальцев Анатолий Фёдорович. Принимает участие в различных конкурсах и мероприятиях, связанных с поэзией или прозой.

Триумф и трагедия Владислава Золотарева

Всемирно известный композитор из Магадана, Владислав Андреевич Золотарев, родился 13 сентября 1942 года в бухте Де-Кастри Хабаровского края. Из жизни ушел 13 мая 1975 года. Ему тогда не исполнилось и тридцати трех лет.

Магаданское музыкальное училище по классу баяна он окончил в 1968 году у известного, легендарного педагога, который обладал даром открывать новые имена, директора училища - Николая Александровича Лесного.

Музыку Золотарев сочинял в разных жанрах: Концерт для виолончели с оркестром, громадная двухчасовая Оратория «Памятник революции» - для двух хоров, шести солистов, двух чтецов и симфонического оркестра, Струнный квартет, музыка для фортепиано, романсы, песни, музыка к телеспектаклям. Но больше всего он писал для баяна: три Сонаты, две Партиты, Концерт-симфония, Концерт для электронного баяна с оркестром, 6 Детских сюит, Испанская рапсодия, Концертная симфония № 2, Камерная сюита, 6 пьес («Настроения по Блоку»).

Именно баянные сочинения принесли ему мировую славу. Сонаты и Партиты вошли в репертуар международных конкурсов и наряду с Детскими сюитами были изданы в Москве, Германии и записаны на пластинках (но это произошло, когда его не стало). В 1968 - 1969 годах Золотарев консультировался по композиции у Родиона Щедрина. В 1971 - 1972 гг. учился в Московской консерватории, у Тихона Николаевича Хренникова.

Каким я его знал

В 1967 году я поступил в Магаданское музыкальное училище. Однажды разговаривал со старшекурсником, и он сказал: «Видишь, у телефона стоит парень? Это - наш композитор». Я запомнил эту фигуру в черном костюме и черном свитере, а потом частенько встречал Золотарева в столовой во время завтрака, наблюдал за ним в оркестре народных инструментов, где его многотембровый баян (большая редкость в те годы) звучал, заменяя половину оркестра. Он всегда был один, а в руках обычно - учебник теории музыки или гармонии. Он читал всюду - за едой, стоя в коридоре, и этим как бы отгораживался от общения с людьми. Впрочем, все понимали его состояние и не мешали, не отвлекали. Чувствовалась атмосфера всеобщего уважения к этому человеку.

По ночам, до утра он сочинял музыку, играл ее на баяне или фортепиано. И хотя после 23 часов это было запрещено (на двух этажах было общежитие для учащихся и педагогов с семьями - слышимость была хорошая), ему одному не запрещали играть до утра.

Глядя на его невероятную работоспособность, я тоже начал сочинять по ночам (ведь днем - учеба, вечером работа, стипендия была 20 руб., а кушать-то хочется). Наши классы находились рядом. И однажды, в 2 часа, ночи он зашел ко мне - поинтересо-

ваться, что это я делаю, и почему не сплю. Я давно мечтал показать композитору свои сочинения. И вот представилась такая возможность. Прослушав три мои фортепианные пьесы, композитор удовлетворенно улыбнулся и сказал вдруг: «Какие хорошие пьесы получились у Вас! Они настолько удачны, что хоть сейчас неси их в издательство!» Эти слова очень сильно поддержали и вдохновили меня. С этой ночи мы уже часто общались. Владислав давал мне композиторские советы и постоянно говорил: «Саша, тебе надо писать музыку, ты очень талантлив, работай всегда и везде, думай о музыке, она никогда не предаст».

В эти годы Золотарев давал авторские концерты в училище, во Дворце профсоюзов, на стадионе, блистательно исполняя свои сочинения. Эти выступления имели громадный успех. Эмоциональное воздействие его музыки на слушателей было столь сильным, что зал взрывался овациями.

Мы все понимали, что Золотарев - невероятно одаренный композитор. Но в силу своей провинциальности и того, что в Магадане его сравнить было не с кем, грандиозность и масштабность его таланта оценить не могли.

И вот в 1968 году в Магадан приехал баянист, лауреат международного конкурса Эдуард Митченко. В музыкальном училище он дал концерт. Его игра была великолепна. А в конце вы-

ступления на сцену из зала вышел Золотарев: «Разрешите Ваш баян?». Получив согласие, он сказал: «Я исполню для вас несколько своих сочинений». И начал играть. Сначала Партиту, затем Детскую сюиту и Токкату. Все это время, словно оцепеневший, лауреат стоял рядом на сцене, не шелохнувшись, внимательно слушая музыку.

Когда Золотарев закончил, Эдуард Митченко медленно заговорил: «Я удивлен и очень рад тому, что познакомился с таким талантливым композитором, как Владислав Золотарев. Не ожидал, что здесь, в Магадане, на краю земли, я пополню свой концертный репертуар». А вскоре в фирме «Мелодия» вышла пластинка Э. Митченко с записью Партиты В. Золотарева.

В 1968 году, после окончания музыкального училища, Владислав попросился у директора Н.А. Лесного отправить его на работу в самый глухой и отдаленный уголок области, чтобы там ничто не отвлекало его от сочинения музыки. Так он оказался на Чукотке в Детской Музыкальной Школе поселка Провидения. Там он давал сольные концерты из своих сочинений. Как мне говорила потом директор школы Ирина: «Мы все были поражены его музыкой, его талантом. Мы поняли, что композитор Золотарев, это ТИТАН, а мы по сравнению с ним - черви». А вскоре Владислав с Ириной поженились и уехали в Москву.

В лесу, у поля Бородинского

Еще в 1968 - 1969 гг., будучи в Магадане, Владислав консультировался по композиции у Родиона Щедрина.

Приехав в Москву, Золотарев играет свои сочинения Араму Хачатуряну, Николаю Пейко и другим. Полтора часа слушал его музыку Дмитрий Шостакович, после чего всплеснул руками и сказал: «О, милый друг, я не знал, что в такой коробке (баяне - **А.Н.**) таится целый симфонический оркестр!».

По рекомендации Родиона Щедрина ректор Московской консерватории Александр Свешников в октябре 1971 года зачисляет Золотарева без экзаменов в класс композиции Тихона Хренникова. Щедрин попросил Свешникова дать Золотареву, как очень одаренному композитору, стипендию. На что Свешников ответил: «Я и так его без экзаменов зачислил в консерваторию, если я еще дам ему стипендию, то лишусь своего кресла».

В это время у Золотарева в семье появился второй ребенок. Стипендию не дали, денег на жизнь катастрофически не хватало. Его жена Ирина преподавала в ДМШ виолончель, получая 75 р. в месяц. Владислав пытался работать в музыкальных школах Москвы, но поскольку днями и ночами сочинял музыку, то пропускал уроки, поэтому ему приходилось отовсюду увольняться. Каждые полгода я приезжал из Владивостока в Москву, приходил к моему учителю показать свои новые сочинения. Угощение на столе было всегда одинаковое - тарелка горохового супа и чай. Бедствовали они страшно. Зная это, я всегда приносил цветы Ирине, торт к чаю, и бутылочку любимого Славой сухого вина, «Старый замок».

В 1973 году я получил во Владивостоке письмо от Золотарева, в котором он писал о том, что ушел из консерватории... «Прочь, прочь из этого сверкающего инкубатора, где все пианисты играют одно и то же, где все композиторы вымучивают из себя сонаты, и это - после Моцарта и Бетховена! Но ты, Саша, на меня не смотри, как бы ни было тяжело, ты должен закончить консерваторию и получить диплом композитора. Тебе это необходимо, ведь без диплома в Союз композиторов не принимают, так что ты учишься».

В 1974 году я приехал в Москву и снова пришел к Золотареву, как всегда, с цветами, тортом тортом и «Старым замком». После приветственных объяс-

на этот раз привез?». Я достал партитуру пятичастной Сюиты для квартета деревянных духовых инструментов. Ирина ушла на кухню разогревать супчик, а мы сели к инструменту и начали играть. Буквально после 2-й части Слава не удержался и громко закричал: «Ирина! Ирина! Иди посмотри, что Саша написал, как здорово у него это все получилось!» Доиграв до конца сюиту, взволнованно заговорил: «Саша, ты понимаешь, что такие квартеты в Московской консерватории обычно пишут на IV и V курсах, а ты во Владивостоке написал ТАКОЙ квартет на 1-м курсе. Все! Хватит тебе сидеть во Владивостоке, немедленно переводись в Москву, но не в консерваторию, оттуда уже все ушли - и Шостакович, и Хачатурян, и Щедрин. Там сейчас не у кого учиться. А в институте Гнесиных есть профессор Пейко, вот у него тебе надо учиться. Так что готовься к экзаменам и переводись».

Потом Слава показал мне несколько недавно написанных им в народном стиле песен на стихи немецких поэтов-классиков. Сильно смущаясь он сказал: «Саша ты не обращай внимания, петляю не умею, поэтому пою козлитонским голосом». И все таки спел.

Через некоторое время, глубокой осенью, я снова позвонил Золотареву. Ирина сказала, что он сейчас живет и пишет за городом, в лесу, в районе Бородинского поля, на даче баяниста Галкина. Она объяснила, как туда доехать и найти его дачу, передала кофе, табак, гречку, пшено, хлеб, и я поехал. От электрички шел километра полтора до поля, моросил холодный осенний дождь. Пройдя мокрое глинистое поле, я вошел в лес, везде вода была по лотку. Уже стемнело, а дач нигде не видно. Я стал выбирать дерево, на котором мог бы переночевать. И вдруг между деревьями, вдали, я увидел светящийся маленький огонек. Боясь потрепать его из виду, я с волнением шел через лес на него. Дачный сторож сказал, что здесь сейчас никого нет, но, правда, на одной даче кто-то живет. На мой стук отозвался знакомый голос. Вышел Слава в беличьем драном полушубке и в валенках: «Саша, ты один приехал, а где Ирина?» - «Да, я один». - «Не может быть! Как ты ночью нашел, я сам тут днем плутал? Ну что ж, заходи давай будем пить чай».

Потом он мне играл на баяне очень красивую, возвышенную музыку, свою увертюру к опере «Дионисий» и говорил: «У меня есть замысел написать 6 опер о древнерусских живописцах: Ан-

дрее Рублеве, Дионисии, Феофане Греке и других. теперь это смысл моей жизни». Затем мы слушали пластинку с третьей симфонией Чайковского. Слава сказал: «Это моя самая любимая симфония, чистая музыка, без надрыва».

На другой день он купался в холодном осеннем пруду. Я дрожал на ветру, а он с улыбкой говорил мне: «Иди в дом, а то замерзнешь». Днем мы собирали в лесу упавшие деревья для отопления дачи. Если я с трудом тащил одно дерево, он нес два. Здоров и крепок телом был, под рукой - всегда гантели и эспандер. Я спросил: «Как же ты зимой здесь живешь?» - «Засыпаю снегом фундамент, заливаю водой, образуется ледяная корка, чтобы снизу ветер не продувал. Заказать машину дров - дорого, да в лесу много поваленных деревьев - собираю и топлю». Два часа я пилил тупой пилой дрова, пытался согреться, топили печь, и все равно, я спал на втором этаже, как на улице.

В это время имя композитора Золотарева уже было широко известно во многих странах мира. На всех международных конкурсах баянистов исполнялись его произведения. Но денег ему за это не платили, потому что играли в рукописях.

Возможно, его беда была в том, что в Магадане, еще в 1967 году, он собирал стихи поэтов, которые сидели на Колыме как инкомыслящие, за эти стихи он тогда попал в разряд неблагонадежных, как в свое время Галич и многие другие. Может, из-за этого все вокруг него и рушилось? Его признанные во всем мире сочинения в России не издавались. Исполнители и слушатели воцоргались ими, боготворили, но денег, гонораров от ВААП он не получал. Семья была на грани голода. Естественно, начались домашние разборки, ссоры, конфликты...

Ирина, его жена, мне рассказывала: «Саша, ему звонят наши знаменитые дирижеры, музыканты, просят его позволения исполнить его сочинения в концертах. Родион Щедрин приезжает к нам. Они со Славой садятся за фортепиано и друг другу играют свои сочинения, обсуждают достоинства и недостатки друг друга, спорят, а потом их кормлю супчиком. ТАКИЕ люди с ним общаются! Я просто поражена. Но ведь он не зарабатывает денег на семью, он круглосуточно пишет свою музыку и поэтому не может нигде долго работать, пропускает занятия, а потом увольняется...» По-человечески мне ее было жаль, но я ничего не мог в их жизни изменить...

Посмертный концерт

По совету моего учителя и наставника это привело к трагической развязке. Владислава Золотарева в 1975 году я решил перевести из Владивостока на учебу в Москву знаменитый институт имени Гнесиных. Выдержал жесткий экзамен и был принят в класс композитора, профессора, лауреата государственных премий Николая Ивановича Пейко.

11 мая я позвонил Золотареву, чтобы поделиться своей радостью, взяла трубку Ирина: «Саша, Слава сейчас в Союзе композиторов. Его в очередной раз должны принимать в Союз. Если хочешь его увидеть, - езжай туда». У меня с собой, как всегда, был один рубль. Я вернулся домой, в Наро-Фоминск. Я позвонил Славе 13 мая, трубку никто не взял. Потом я звонил каждый день - молчание. Приехав в институт, я услышал, что композитор Золотарев повесился.

Я вначале в это не поверил, ведь он же говорил, что 6 опер о древнерусских живописцах - это смысл его жизни. Ведь он столько еще хотел написать... Я встретил Фридриха Липса, который блистательно играл сочинения Золотарева, и спросил: «Фридрих, я сейчас приехал из Владивостока, у меня здесь никого, может, Вы мне сможете ответить - это правда?». Липс как-то дернулся, отвернулся к окну, на глазах выступили слезы, и он сказал: «Да я и сам не могу в это поверить». И вот тут я понял, что Золотарева больше нет. Нет моего друга, нет моего единственного учителя, моего музыкального наставника. Не хотелось в это верить. Но рядом стоял лучший исполнитель его сочинений, а также его лучший друг со слезами на глазах...

Потом стало известно, что Золотарева второй раз не приняли в Союз композиторов. В результате нервный срыв, затем конфликт в семье - все

Вскоре после гибели Золотарева должен был состояться концерт из произведений композитора. Липсу запретили его играть. Он обратился за помощью к председателю Союза композиторов России Родиону Щедрину, который начал звонить в разные инстанции, но ему говорили: «Нельзя, ведь Золотарев повесился». Щедрин кричал по телефону: «Ну и что, что повесился?! Золотарев - талантливый композитор, его музыку надо исполнять. А как же Есенин, Маяковский, что, их тоже надо запретить?»

Наконец, после звонка в ЦК КПСС, Щедрин добился отмены этого глупого запрета.

И первый концерт из произведений Золотарева был дан в огромном (на 1200 мест) зале института им. Гнесиных. В блистательном исполнении Фридриха Липса прозвучали самые крупные и сложные произведения Владислава Золотарева: Испанская рапсодия, 2-я и 3-я Сонаты, Партита, Детские сюиты, любимая во всем мире прелюдия «Ферапонтов монастырь. Размышления у фресок Дионисия» (возможно, под впечатлением этой музыки Золотарева через 8 лет и Родион Щедрин написал «Фрески Дионисия» для камерного оркестра. Таково бывает влияние гениальной музыки). Как жаль, что самого композитора не было на этом, поистине триумфальном, концерте! А мы, слушатели, поняли, что Россия потеряла одного из самых лучших своих композиторов. Говорят, что незаметных людей не бывает. Неправда - еще как бывает. Общественный резонанс от этого концерта был огромный. Вскоре пошли слухи о том, что тогдашнее руководство Союза композиторов, испугавшись общественного осуждения, задним числом приняло

Владислава Золотарева в Союз.

Сейчас в мире музыкального искусства композитор Золотарев - общепризнанный классик. Его новаторские сочинения для баяна совершили революционный переворот в сознании музыкантов и композиторов, открыли новые пути и горизонты для сочинения новой музыки для баяна. По его произведениям написаны монографии, диссертации, музыкально-теоретические исследования. Его сочинения постоянно исполняются в России и многих странах мира наряду с Бахом, Бетховеном, Моцартом. Еще в 80-е годы в молдавской музыкальной школе одним из поклонников композитора был открыт музей Владислава Золотарева, где собраны фотографии, сборники, пластинки, афиши концертов. Сделан из дерева большой портрет композитора.

В Магадане в 90-х годах прошли два Дальневосточных конкурса, а во Владивостоке - Международный конкурс имени Золотарева.

И теперь, когда московское училище им. Октябрьской революции переименовано в музыкальный институт им. Шнитке, всемирное признание нашего композитора дает все основания для того, чтобы Магаданский колледж искусств носил имя своего знаменитого выпускника, композитора Владислава Золотарева, так же, как и улица Якутская, на которой колледж находится. Необходимо открыть в училище класс-музей композитора, в котором он сам занимался и сочинял музыку.

Думается, что все это самым лучшим образом отразится на развитии и творческом росте молодежи, рождении новых талантливых музыкантов и мир не раз еще услышит о Магадане и его музыкальных гениях.

Александр Нагаев

Александр Нагаев

Композитор, член Союза композиторов России. Полномочный представитель Союза композиторов России в Магадане. Глава возрожденного «Творческое объединение самодеятельных композиторов Магадана и области». Создатель Магаданского «Театра песни».

Автор многих классических произведений и эстрадных песен. Лауреат Всесоюзного и Всероссийского конкурсов композиторов. Лауреат Всесоюзного телевизионного фестиваля «Песня года-86». Его песни исполняют Ирина Понаровская, Александр Малинин, Иосиф Кобзон.

С «Театром песни» А. Нагаев записал три диска: 1-й авторский альбом «Музыка серебряных дождей», среди 14 песен - исполняют: Ирина Понаровская - «Знаю любил» на стихи Джуны, Иосиф Кобзон - «Выдумываем» на стихи В. Буткеева. На втором диске, «Осень на севере», песни А. Нагаева и других магаданских авторов, 3-й альбом, «За тебя Магадан», вышел к 75-летию города.

Занимается записью песен авторов, не владеющих нотной грамотой, аранжировками и записью песен и танцев народов Севера. ведет активную концертную деятельность.